

Ваўкавышчына

Краязнаўчы часопіс

№ 1(6) 2008 г.

Змест часопіса

1.Аляксей Шаланда. Гербы гарадоў і мястэчак Ваўкавыскага павета ВКЛ у 16-18 ст.....	1
2.Николай Быховцев. Крепостные рабы помещиков Брайчевских.....	9
3.Вітальд Карпыза. Стары Дворэц.....	13
4.Вітальд Карпыза. Дзіцячыя гады на роднай зямлі.....	16
5.Николай Быховцев. Волковыск межвоенный: промышленность и ремесло.....	24
6.Николай Быховцев. Семь суток войны.....	33
7.Мікалай Быхаўцаў. “Обзор Гродненской губернии” (Агляд Гродзенскай губерні) – крыніца ведаў па гісторыі Ваўкавыска і Ваўкавыскага ўезда.....	49
8.Дакументы па гісторыі Ваўкавышчыны з архіва ваўкавыскага кряззнаўцы Міхася Верацілы.....	57

Рэдактар Мікалай Быхаўцаў
Надрукавана на абсталяванні сяброў
Наклад 200 паасобнікаў

Распаўсюджваецца бясплатна на правах унутранай дакументацыі грамадскай
арганізацыі, якая спрычынілася дзеля яго выдання: Ваўкавыскай раённай арганізацыі ТБМ
(Таварыства беларускай мовы) імя Ф. Скарыны

Аўтары цалкам нясуць адказнасць за дакладнасць сваіх матэрыялаў. Пры перадруку
артыкулаў альбо іх часткі спасылка на часопіс і аўтара артыкула абавязкова

Адрас для кантактаў:
Ваўкавыск-231900, п/с № 38, Быхаўцаву Мікалаю
Электронны адрас: byhaucan@tut.by

На першай старонцы вокладкі вуліца Шырокая ў 1920 годзе з відам на царкву святога
Мікалая. Малюнак Аляксандра Папова

Гербы гарадоў і мястэчак Ваўкавыскага павета ВКЛ у XVI–XVIII ст.

Аляксей Шаланда, кандыдат гістарычных навук,
(Горадня)

Ваўкавыскі павет Наваградскага ваяводства Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага быў створаны ў 1507 г. на тэрыторыі былога Ваўкавыскага княства (зямлі). У 1793 г. з утварэннем новага Гарадзенскага ваяводства Ваўкавыскі павет адышоў да яго. У канцы XVI ст. у ім разам з павятовым цэнтрам – горадам Ваўкавыскам – існавала яшчэ трынаццаць мястэчкаў: Воўпа, Новы Двор, Мсцібогаў (Мсцібаў) (усе – дзяржаўныя) і Рось, Крамяніца, Межырэч, Лыскава, Порузава, Лапеніца, Свіслач, Зэльва, Пяскі, Ялаўка (прыватныя) [1, Т.2, с.235–236]. У XVI–XVIII ст. частка са згаданыхвышэй мястэчак атрымалі прывілеі на Магдэбургскае права. У апошніх разам з вызначэннем юрыдычнага статусу мяшчанаў, іх прыбыткаў, падаткаў і павіннасцяў на карысць дзяржаўнага скарбу, межаў мескіх ворыўных і не толькі зямель, надавалася права карыстацца гарадскімі гербамі [2, Т.5, с.5]. На сёння вядома, што Магдэбургскім правам у Ваўкавыскім павеце ў XVI–XVIII ст. карысталіся: Ваўкавыск, Воўпа, Мсцібаў, Порузава, Новы Двор і Ялаўка. Якія яны мелі гербы? Большасць іх, дзякуючы даследаванням Анатоля Цітова і літоўскага геральдыста Эдмундаса Рымшы, вядома [3; 4; 5].

1. Ваўкавыск.

Першым – недзе ў 1501–1506 г. – Магдэбургскае права атрымаў ад вялікага князя літоўскага Аляксандра павятовы цэнтр – Ваўкавыск [5, с.683]. Аднак, пытанне аб тым, калі яму быў нададзены герб: на тарчы галава выючага ваўка [3, с.129], застаецца дасёння дыскусійным. А.Цітоў схіляецца да думкі, што гэта адбылося ў 1503 г., калі, як ён мяркуе, і было нададзена Магдэбургскае права Ваўкавыску [3, с.129], аднак, гэта не знаходзіць падцверджання ў крыніцах. На сёння вядомы толькі канфірмацыйны прывілей Жыгімонта Старога ад 22.02.1507 г., які падцвердзіў той факт, што Аляксандр “*дал месту Волковъискому право немецкое маитборское*” [6, с.191]. Ніякіх згадак пра герб ці пячатку (у той час гэтыя паняцці былі тоесныя) там няма. Поўны спіс прывілеяў, якія падцвярджалі Магдэбургскае права Ваўкавыску, склаў Э.Рымша. Паводле яго, у 1549 г. свой прывілей гораду выдаў Жыгімонт Аўгуст, у 1579 г. – Стэфан Баторы, у 1595 і 1600 г. Жыгімонт Ваза, у 1633 г. – Уладзіслаў IV Ваза, у 1650 г. – Ян Казімер, у 1679 – Ян III Сабескі, у 1718 г. – Аўгуст II і ў 1744 г. Аўгуст III [5, с.683, заўвага 5]. Беларускія даследчыкі В.Швед і А.Госцеў лічаць, што Ваўкавыск атрымаў герб з выявай воўчай галавы менавіта па прывілею Стэфана Баторыя 1579 г. [7, с.73], аднак, і яны не прыводзяць ніякіх доказаў на карысць гэтага. Лагічна дапусціць, што калі ні ў адным з пералічаных прывілеяў нічога няма пра гарадскі герб ці пячатку Ваўкавыска, то яна была агаворана менавіта ў пунктах прывілея Аляксандра, што і робіць А.Цітоў. Аднак, пакуль самы першы дакумент для Ваўкавыска не знойдзены, адзінымі крыніцамі па гісторыі ваўкавыскага гербу з’яўляюцца адбіткі гарадскіх пячатак. Першая згадка пра пячатку “*местькую*” датуецца 1562 г. [5, с.684]. Як яна выглядала мы не ведаем. Магчыма, пэўнае ўяўленне аб ёй даюць больш пазнейшыя ваўкавыскія пячаткі:

а) пячатка “*меская*”: у цэнтры поля пячаткі галава выючага ваўка, надпіс у абтоку:

“ДРІЕЦЗЕНС °Д° МІАСТА °Д° ВОЛКО...Д°” (выкарыстоўвалася на дакументах 1633–1645 г.), 31мм [3, с.129; 8, с.199, фота IV/1; 5, с.684, nr 462].

б) пячатка “урадвая”, “магдэбургская”: у цэнтры поля пячаткі галава выючага ваўка, надпіс у абтоку: “PIECZ¹ E[nć] MIA[sta] I[eg]° K[rólewskiej] M[ości] WOJ[kowy skiego]” (выкарыстоўвалася на дакументах 1717–1796 г.), 33,5 мм [3, с.50; 8, с.199, фота IV/2; 5, с.685, nr 463; 7, с.72; 9, а.43].

в) у цэнтры пячаткі на картушовай тарчы галава выючага ваўка, надпіс у абтоку: “*MAGISTRAT ? M:[iasta] WOJKOWYSKA”. А.Цітоў датуе яе XVIII ст. [3, с.50].

Аналіз згаданых ваўкавыскіх пячатак сведчыць, што другая (б) з іх была зроблена

па ўзору папярэдняй (а), бо паўтарае яе амаль дакладна – выява воўчай галавы пакладзена не на тарчу, а ў полі самой пячаткі, а таксама мае амаль ідэнтычны надпіс па колу. Трэцяя пячатка магістрата Ваўкавыска адрозніваецца ад іх тым, што воўчая галава пакладзена на картушовай тарчы.

Усе даследчыкі, якія разглядалі гербавую выяву Ваўкавыска, сыходзяцца на думцы, што гэта – т.зв. гаворачы герб, утвораны ад назвы самога гораду [3, с.81; 7, с.73]. Шмат хто лічыць яго унікальным і непаўторным.

Аднак, выява воўчай галавы ёсць ў гарадскім гербе Ламазаў – мястэчка ў былым Берасцейскім ваяводстве, дзе яна падаецца разам з нагой арла. Паводле А.Цітова ён быў нададзены ў 1568 г. [3, с.182]. На нашу думку, арліная нага была ўведзена ў ламазскі мескі герб для таго, каб адрозніць яго ад ваўкавыскага герба. Гэта значыць, што на невядомай гарадской пячатцы Ваўкавыска 1562 г. сапраўды магла быць толькі выява воўчай галавы. Аднак, аднесці Жыгімонта Аўгуста да аўтараў ваўкавыскага гербу у нас няма падстаў – у яго канфірмацыі 1549 г. нічога пра гэта не згадваецца.

Разгледзім парадак надання гербаў гарадам, які існаваў у XVI–XVIII ст. у ВКЛ. Як высвятляецца, гэта адбывалася трыма асноўнымі шляхамі:

1. праз наданні каралямі і вялікімі князямі. У гэтым выпадку ў прывілею на Магдэбургскае права звычайна прыводзілася яго апісанне (напрыклад, у прывілею для Дзісны ад 20.01.1569 г. чытаем: “*А печат тому месту нашому Дисненскому на вечные часы надаем герб лодю...*” [10, с.227]).
2. праз наданні гаспадарамі прыватнаўласніцкіх гарадоў і мястэчак. Магнаты і князі часта дабіваліся ў караля і вялікага князя Магдэбургскага права для сваіх гарадоў з мэтай спрыяння іх сацыяльна-эканамічнаму развіццю. У гэтым выпадку манарх перадаваў права надання гербу ўласнікам (напрыклад, у прывілею для валынскіх мястэчак Андрэева (Новы Вішнявец) і Папоўцаў ад 23.08.1568 г., якія належалі князю Андрэю Іванавічу Вішнявецкаму, чытаем: “*А што ся дотычет печатей местских, также обирания воитов тамошних, то вжо князь Андрей Вишневецкии, яко оных дедич, постановити маеть...*” [10, с.199]).
3. праз абранне самымі мяшчанамі. У гэтым выпадку кароль і вялікі князь у сваім прывілеі агаворваў толькі парадак выкарыстання гарадской пячаткі, якая на той час ужо існавала. Выяву на ёй ці герб выбіралі ўжо самыя жыхары гораду [13, с.2]. У сувязі з гэтым, вельмі характэрная сітуацыя з гербам склалася ў канцы XVI ст. у Менску. Там мяшчане “*неведомостью своею и до того часу [з 1499 на 1591 г.] до ужыванья властного гербу прийти не могучи унижоне просили нас*

г[оспо]д[а]ря обыхмо им, объясняючи и в ужыванье приводячи герб их печать мескую надали” [3, с.53–54]. Як бачым, праз няведанне менскія мяшчане не змаглі прыдумаць сабе прыстойны герб. Усё, што яны змаглі стварыць – гэта пакласці на тарчы ў два радкі літары “ГО/МО” (1570 г.) [8, с.216, мал.XVIII/1]. А.Цітоў разшыфраваў іх як “Г[осп]О[ди] [по]МО[зи]” [14, с.102]. На нашу думку, тут трэба чытаць разам з надпісам у абтоку пячаткі: “Г[ор]О[да] М[енско]О”, аднак, магчымыя і іншыя варыянты.

У мяшчанаў Ваўкавыска такой праблемы не ўзнікла – назва гораду давала ім адзіны магчымы варыянт гербавай выявы: Ваўкавыск = галава выючага ваўка. Калі гэтая выява з’явілася – сёння цяжка сказаць. Магчыма, яна існавала на харугвах гораду

ўжо ў XV ст. Аднак, сымбалам вольнага места воўчая галава стала толькі з наданнем Ваўкавыску Магдэбурскага права вялікім князем Аляксандрам недзе паміж 1501 і 1506 г. Падкрэсліваючы тое, што Ваўкавыск атрымаў правы на самакіраванне па прыкладу Вільні [6, с.191], Аляксандр меў на ўвазе ў сваім прывілею толькі парадак выкарыстання гарадской пячаткі. Выяву для яе прыдумалі ўжо самыя ваўкавыскія мяшчане.

Такім чынам, найдаўнейшым і адзіным сапраўдным гербам Ваўкавыска ёсць: **у полі тарчы галава выючага ваўка**. Што да яго колераў, то А.Цітоў прапанаваў поле тарчы зрабіць блакітным, а выяву на ёй – срэбнай [3, с.129].

2. Воўпа.

Гарадскі герб Воўпы вядомы па прывілею караля і вялікага князя літоўскага Станіслава Аўгуста Панятоўскага ад 21 студзеня 1792 г. А.Цітоў дае яму такое апісанне: у блакітным полі бабёр натуральнага колеру [3, с.140]. На малюнку з прывілею мы бачым больш падрабязную карціну: у блакітным полі каля сіняй ракі на карычневай зямлі, пакрытай зялёнай травой, стаіць скіраваны ўлева натуральнага колеру бабёр, які грызе зялёнае дрэўца, над бабром белыя аблогі [3, с.140]. Як бачым, у рэканструкцыі А.Цітова адсутнічаюць такія элементы як: рака, дрэўца, трава, аблогі, ды ісама пастава бабра зменена, праўда, скіраванасць яго ў левы бок захавалася. Кідаецца ў вочы, што герб Воўпы, як і ўсе гербы для гарадоў і мястэчак ВКЛ, нададзеныя ў 1791–1792 г. Станіславам Аўгустам, быў маляваны мастаком далёкім ад геральдыкі. Паходзіў ён, хутчэй за ўсё, з польскіх зямель Рэчы Паспалітай (Варшавы?), а не з Заходняй Еўропы, як лічыць Сяргей Рассадзін [15, 2001, № 1, с.122], і ў 1791–1792 г. выконваў важную дзяржаўную замову – маляванне гарадскіх эмблемаў-гербаў у прывілеях для гарадоў і мястэчак, якія або падцвердзілі сабе ў караля і вялікага князя І ааіуао?неааі?ааа, ааісіісуаіао?уіаеЗ. Цікава, што ён уносіў пэўныя змены ў старыя гербы гарадоў ВКЛ (напрыклад, слоніскі леў “згубіў” сапежынскага “Ліца” [3, с.31]). Калі трэба было стварыць новыя гербы невядомы мастак выкарыстоўваў наступны набор выяў: рэлігійныя (Святыя, хрысціянскія каталіцкія сімвалы), з мясцовай фаўны (бабёр, алень, рак), алегарычныя (вагі справядлівасці, сцяг з манаграмай) і іх спалучэнні. Асобна трэба адзначыць родавы герб “Цялё” Станіслава Аўгуста Панятоўскага ў гербах Шаўляў і Ашмянаў, які ўказваў на ініцыятара надання самакіравання згаданым мястэчкам.

Існуюць два тлумачэнні надання Воўпе такога гербу. А.Цітоў патлумачыў яго праз занятак мясцовага насельніцтва бабровым промыслам [3, с.81]. С.Рассадзін бачыць ў ім

алегорыю: “...*Волга, скорее всего, получила символ, в котором был зашифрован призыв к труду, упорному и смиренному*” [15, 2001, № 2, с.98]. На нашу думку, аўтар вышэй паданай кампазіцыі перш за ўсё меў на ўвазе прыродныя ўмовы ў якіх знаходзілася гэтае мястэчка – на рацэ Ваўпянцы, якая ўпадае ў прыток Нёмана – рэчку Рось. Падобныя мясціны былі вельмі прыдатныя для жыцця баброў (*Castor fiber L.*). У гэтым невядомы польскі мастак нічым не адрозніваўся ад аўтара гербу з выявай чорнага зайца ў зялёным полі для Копысі, якая пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай у 1772 г. апынулася ў складзе Расійскай імперыі [3, с.175]. Нагодай для такога гербу паслужыла тое, што, на думку расійскага чыноўніка, такіх “*редких*

зверьков в окрестностях сего города изобильно” [3, с.93].

Такім чынам, паводле А.Цітова, герб Воўпы павінен выглядаць так: **у блакітным полі бабёр натуральнага колеру**. На нашу думку, з гэтым можна пагадзіцца, скіраваўшы бабра, як гэта патрабуюць геральдычныя правілы, у права.

3.Поразава.

Поразава атрымала гарадскі герб разам з канфірмацыяй ранейшых правоў і вольнасцяў у 1616 г. ад караля і вялікага князя Жыгімонта III Вазы. У прывілеі ёсць словы аб наданні гораду пячаткі з выявай Найяснейшай Панны Марыі: “*sigillum a imagine assumptionis beatissimae Mariae virginis*” [16, с.39]. Як яна выглядала сведчаць сфрагістычныя помнікі:

а) пячатка меская: у цэнтры поля пячаткі выява Панны Марыі ў кароне, з малым Ісусам на руках справа, стаіць на месяцы рагамі дагары, вакол яе – ззянне, надпіс у абтоку: “+ SIGIL · CIVITATIS ... ROSOV... AN... · 1 · 616” (выкарыстоўвалася на дакументах 1616–1621 г.) [3, с.275].

б) пячатка меская: у цэнтры поля пячаткі выява Панны Марыі, з малым Ісусам на руках справа, стаіць на месяцы, які скіраваны рагамі дагары, Ісус трымае ў правай руцэ кулю з крыжам, над галовамі Марыі і Ісуса – німбы, надпіс у абтоку: “+ PIECZENC MIASTA · POROZOWA · ANNO · 1720”, 42 мм [3, с.219; 16, с.39; 17, КП № 2442].

Такім чынам, герб Поразава павінен выглядаць так: **на тарчы постаць Панны Марыі, з малым Ісусам на руках справа, стаіць на месяцы, які скіраваны рагамі дагары, Ісус трымае ў правай руцэ кулю з крыжам, над іх галовамі – німбы, вакол іх ззянне**. А.Цітоў прапанаваў наступныя колеры – поле тарчы блакітнае, месяц, куля і німбы – залатыя, вопратка – чырвона-срэбная [3, с.219]. Паводле ж каталіцкіх канонаў Панна Марыя амаль заўсёды апранутая ў чырвоную сукенку з блакітным плашчом. Таму, на наш погляд, поле тарчы павінна быць чырвоным. У сувязі з гэтым, становіцца зразумелым і функцыя ззяння ў першым варыянце гарадской пячаткі – намалюнку яно аддзяляла чырвонае поле ад чырвонай вопраткі. Прапануем наступныя колеры гербу Поразава: поле чырвонае, месяц, німбы, куля і ззяне – залатыя, вопратка Панны Марыі – чырвона-блакітная.

4.Новы Двор.

У вядомай кнізе А.Цітова герб Новага Двару з прывілею на Магдэбургскае права ад 12.08.1579 г. выглядаў так: “*у срэбным полі залаты леў на чырвоным муры*” [3, с.207]. Гэтае мястэчка знаходзілася ў Гарадзенскім павеце ВКЛ. У дадатках да згаданага мескага гербу аўтар змясціў фотаздымак пячаткі-матрыцы Новага Двару з фондаў ГДГАМ, апісанне якой

мы даем ніжэй.

Пячатка авальная, 46x52 мм, медзь, з драўлянай ручкай 60 мм. Захаванасць добрая, маюцца нязначныя вокіслы медзі. Выява: у цэнтры пячаткі стаіць збройны арханёл Міхаіл, які правай рукой абпіраецца на меч, у левай трымае вагі. Пад нагамі ў яго ляжыць пераможаны д’ябал (чорт). Надпіс на польскай і лацінскай мове ў абтоку пячаткі падзелены лінейнымі абадкамі на дзве часткі: “+ PIECZEC · SAĐU · ORDYNARINEGO · PRIMAE · INSTANTIAE · MIASTA · R[zeczy] P[ospolitej] TT[?].” і ніжэй – працяг: “+ NOWY · DWOR · w · P[owiacie] · W[ołkowyskim] · DO · WYDZIAŁU · GROD[zieńskiego]: NALEZAC[ego]: R[oku]: 1792”. Па краю пячаткі лінейны абадок [17, КП № 24335].

Як бачым, выява на пячатцы зусім не адпавядала гербу з прывілея, што прымушае думаць аб памылцы А.Цітова, які пераблытаў Новы Двор гарадзенскі з Новым Дваром з Ваўкавыскага павету. Гэта вынікае з расшыфраванні надпісу ў абтоку пячаткі-матрыцы: “*Пячатка суду ардынарыйнага першай інстанцыі места Рэчы Паспалітай Новы Двор у павеце Ваўкавыскім дааддзялення Гарадзенскага належачага года 1792*”. Такім чынам, выява арханёла Міхаіла належала да ваўкавыскага Новага Двара і была менавіта яго гарадскім гербам. Аднак, узнікае пытанне ці меў Новы Двор у Ваўкавыскім павеце Магдэбургскае права? На яго мы можам адказаць сцвярджаючы, бо захаваўся, праўда ў вельмі дрэнным стане, канфірмацыйны прывілей караля і вялікага князя Аўгуста III ад 14.XI.1744 г.⁴ [17, КП б/н]. Як удалося з яго даведацца, гэта было падцвярджанне канфірмацыі правоў і вольнасцяў Новага Двара яго папярэднікаў – Аўгуста II (28.11.1718 г.), Яна III Сабескага (20.01.1679 г.), Міхала Карыбута Вішнявецкага (20.03.1670 г.) і Яна Казімера Вазы (3.08.1661 г.) (Гл. дадатак 1). Нехта з апошніх манархаў і надаў герб з выявай арханёла Міхаіла Новаму Двару. Мы схіляемся да думкі, што гэта быў кароль і вялікі князь Міхал Карыбут Вішнявецкі, які надаў мястэчку ў герб свайго святога заступніка і, відаць, маючы за ўзор герб ваяводскага Наваградка. Праўда, дакументы аб гэтым нічога не гавораць.

Такім чынам, у Ваўкавыскім павеце было яшчэ адное мястэчка з Магдэбургскім правам – Новы Двор⁵, герб якога павінен выглядаць так: ***на тарчы збройны арханёл Міхаіл топча пераможанага чорта, пры гэтым ён правай рукой абпіраецца на меч, а ў левай трымае вагі***. Прапануем наступную рэканструкцыю колераў: поле тарчы чырвонае, арханёл Міхаіл у срэбнай кашулі, чорт – чорны, вагі, латы і меч колеру метала, ручка ў мяча – залатая, перы на шлеме – срэбныя.

5. Ялаўка.

Герб Ялаўкі, як і Воўпы, вядомы па прывілею караля і вялікага князя літоўскага Станіслава Аўгуста Панятоўскага ад 18 студзеня 1792 г. На малюнку ў круглым блакітным полі ў карычневым крэсле сядзіць Святы Матфей апрануты ў чырвоную кашулю з блакітна-залатым (верх – залаты, падбой – блакітны) плашчом, які трымае ў правай руцэ пяро, а ў левай – раскрытую кнігу, за крэслам справа выглядае анёл ў зялёным хітоне, які трымае ў левай руцэ пячатку, злева ад іх – зялёны куст [3, с.257]. У рэканструкцыі ялаўскага гарадскога гербу, якую зрабіў А.Цітоў, шэраг элементаў адсутнічае – няма анёла і куста, а ёсць толькі: “у блакітным полі выява святога Матэўша” [3, с.257]. Аднак, на нашу думку, гэта разбурае ідэю невядомага аўтара эмблемы – анёл зацвярджае напісанае Святым Матфеем Евангелле. У сувязі з гэтым герб Ялава патрабуе выпраўлення і павінен выглядаць так: ***у блакітным полі тарчы на крэсле сядзіць Святы Матфей у чырвонай кашулі і залатым плашчы з пяром і кнігай у руках, за ім – анёл ў срэбным хітоне з пячаткай у левай руцэ***.

Агляд гербаў гарадоў і мястэчак Ваўкавыскага павету ў XVI–XVIII ст. быў бы не поўным, калі б мы не адзначылі пакуль яшчэ невядомыя гербы. У першую чаргу гэта датычыць Мсцібогава ці Мсцібава. Вядома, што гэтае мястэчка мела Магдэбургскае права, нададзенае Аўгустам III у 1744 г. [19, с.36; 2, с.223], але знайсці яго пячаткі пакуль не ўдалося. Спадзяемся, што ў будучыні нас яшчэ чакаюць новыя знаходкі.

Літаратура і крыніцы:

1. Энциклапедыя гісторыі Беларусі.– Мн.: БелЭн, 1994.– Т.2.– 537 с.
2. ЭГБ.– Мн.: БелЭН, 1999.– Т.5.– 592 с.
3. Цітоў А. Гарадская геральдыка Беларусі.– Мн.: Полымя, 1989.– 207 с.
4. Цітоў А. Геральдыка Беларускіх местаў.– Мн.: Полымя, 1998.– 287 с.
5. Rimsa E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės miestu antspaudai.– Vilnius: Īara, 1999.– 764 s.
6. Lietuvos Metrika.– Vilnius, 1995.– Кн.8.
7. Швед В., Госцеў А. Герб Волковыска.// Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лёсу людзей.– Ваўкавыск, 1997.– С.71–74.
8. Цітоў А. Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сфрагістыкі.– Мн.: Полымя, 1993.– 239 с.
9. НГАБ у Горадні, ф.1663, воп.1, спр.1068.
10. Lietuvos Metrika.– Vilnius, 2000.– Кн.51.
11. Памяць: Гістор.-дакум. хроніка Навагруд. р-на.– Мн.: Беларусь, 1996.– 559 с.
12. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага.– Мн.: АТЕНАЕУМ, 2000.– 312 с.
13. Гречило А. Герб міста Києва.– http://www.geocities.com/nspilka/library/kyiw_gerb.html.
14. Цітоў А. Сфрагістыка і геральдыка Беларусі.– Мн.: РІВШ БДУ, 1999.– 176 с.
15. Рассадін С. “Галантны вѣк” горадскай геральдыкі Беларусі.// Архівы і справаводства.– 2001.– № 1.– С.114–124; 2001.– № 2.– С.95–102.
16. Цітоў А. Поразава – места Магдэбургскае.// Беларуская мінуўшчына.– 1995.– № 1.– С.38–39.
17. Гарадзенскі дзяржаўны гісторыка-археалагічны музей (ГДГАМ), КП № 15117; 2442; 24335.
18. Любавскі М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута.– М., 1892.
19. Піваварчык С. Мсцібава.// Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лёсу людзей.– Ваўкавыск, 1997.– С.33–39.

Дадатак 1:

Пергамін 66,1x51,3 см, захаванасць кепская, левы ніжні вугал (90x65 мм) адарваны, маюцца плямы, тэкст размыты і амаль не чытаецца. Тэкст:

“August Trzeci z Bozey Łaski Krol Polski Wielki Xiążę Litewski Ruski Pruski/ Mazowiecki Zmuydzki Kiiowski Wołyński Podolski Podlaski Jnflantski [Smolens]ki Siewier/ ski A dziedziczny Xiążę Saskie Y Elector ettc/

O[znamuiemy] ... tym Listem Przywileiem Naszym komu by to wiedziec należało pokładany był Przywiley ręką Nay iasnieyszego S:P: Augusta Wtorego/ WoXaLitto Stwierzony, confirmationis Praw Przywileiow Artykułow od Nay iasnieyszych Antecessorow Naszych Miasu Nowodworskiemu/chktory to Przywiley J inne Wszystkie nizey inserowane, abyśmy mocą y powagą Naszą Stwierdzili y konfirmowali: przez niektorych Panow rad Naszych/ Woyta Ławnikow y całego pospolstwa przerzeczonego Miasta Nowodworskiego Supplikowano Nam iest. Ten tedy Przywiley confirmationis, wszytkich y innych/ August Wtory z Bozey łaski Krol Polski Wielki Xiążę Litewski Ruski Pruski Mazowiecki, Zmuydzki, Kijowski, Wołyński, Podolski, Podlaski, Jnflantski, Smolen[ski]/ ... Y Elector etc. Oznaymujemy tym listem Przywileiem Naszym, komu by to wiedziec Należało pokładany był przed Nami Przywiley Pargaminowy ręką Nay iasnieyszego

S.P. Jana Trzeciego/ m Belli, mieyscami Naruszony, ni w czym iednak żadney suspicyi w sobie nie mający, confirmationes Praw Przywileiow Artykułow o../ Specifikowa[ny]mi, ... nych, który to Przywiley Y inne wszystkie niżej Inserowane, abyśmy mocą powagą Naszey stwierdzili, Y konfirmowali, przez Niektorych Jm../ a przerweczonego Miasta Nowodworskiego Supplikowano Nam ... Tentedy Przywiley confirmationis, Praw Przywilejow Y Artykułow od s[ł]owa do s[ł]owa/ [Jan III] ... Kiiow:’ Wołyn:’ Podol:’ Podlaski Inflant: Smolen: Siewier: Czernihowski. Oznaymujemy tym listem Przywileiem Naszym wszem wobec y koźdemu zosobna komu/ konfirmowe S.P. Krola Y Supplikowano Nam abyśmy go mocą y powagą Naszą Krolewską aprobowac y Stwierdzic raczyli. Przywiley/ [Michał] ki Zmudzki Mazowiecki Wołyński, Podolski, Podlaski, Smolen: Inflant: Czernihowski. Oznaymujemy tym listem Przywileiem Naszym wszem wobec y koźdemu zosobna komu/ tak y wszystkie ich Prawa wolności od Nayiasnieyszych Antecessorow Naszych Krolow Jchmw’ Polskich nadane, osobliwie/ ogniem przypadkowym pogorzały, Authoritate ... Regia aprobowac y onekonfirmowac Pokłada./..... Nayiasnieyszeo Antecessora Naszego de data w Msciebowie Roku 1581. Miesiāca Apryla dnia dziewiętego pisany zieżdzał/ Roku 1582 Mca Juny Dnia 6 [do] Urodzonych Kommissarzow pisany, który/ [Władysława] IV de data w Warszawie Roku 1633. Mca Kwietnia [d]ię 26. do/ Gruntow tegoż Miasteczka, dawnych rewizorow, mianowicie Łopacinskiego konfirmacie: Na koniec pokładany był ... Przywiley Nayias: Antecessora Nasze[go]/ Prawach im służących konserwuię który wszystkie tu wpisując ż początku aż do konca *słowo* w *słowo*, tak się w sobie ma. Jan Kazimierz z łaski Bozey Krol Polski/ Krol. Oznaymujemy tym listem Naszym Przywileiem komu to wiedziec należy. Przełożono Nam iest Jmieniem Mieszczan Naszych No[wodworskich]/ Nowodworskiego w Powiecie Wołkowyskim będący m Prawy y Przywileie Wszystkie im zdawna służące [po]palone są. Wniesiona zatym/ [Nie]przyiaciela popalonych cale zachowali. My tedy Krol [do] prozby pomienionych Mieszczan Nowodworskich łaskawie się skłoniws[zy się]/ ych, To iest z płaceniem czynszu do Skarbu Naszego z kozdey Włoki po czterdziestu dwu groszy Litt: z Ziem ... rynkowych po dzie../ za Mogiłkami ... dwu, z sianozętnych Morgow, po groszu iednym ... y nienaruszenie zachowuiemy, który to Mieszczanie Nowodworscy/ Prawach Wolnościach Y Ustawach Wyżej opisanych ... nienaruszenie zachowuiemy y Nadaimy y dali ten Nasz list z podpisem ręki Na[szey]/ MDCLXI [1661] Panowania Krolow[stw] Naszych Polskiego XIII, a Swedzkiego XIV Roku. U tego listu Przywileiu podpisy rąk ty mi słowy: Jan Kazimierz Krol/ rzow Naszych Dwornych, abyśmy pomienione Wszystkie listy Mieszczan przy dawnych Prawach im/ Krolewską aprobowali; Jakosz tym listem Naszym Stwierdzamy, [Z]mocniamy, approbuujemy, Y przy spokojnym uzywaniu Starych/ dla lepszey Wiary ręką się Naszą podpisawszy, Pieczęć WXLit: przycisnąć rozkazalismy, Dan w Warszawie dnia XX Mca Ma[rca] [1670]/ Suppliki pomienionych Ubogich poddanych Miasta Nowogodworu, Y na Instancyą Panow Rady Urzędnikow przy bo./ ofiary Świętey Mogli Mieć Wosk wygonny do Cerkwi Swoiey Nowego Dworu za wiadomością/płach, łękach, chrostach, lasach, Y wszelkich przynależytosciach/ Paragrafach y Artykułach pod datą Komissa../ dnia XX Mca January Roku Panskiego MDCLXXIX [1679] Panowania Naszego V Roku Pa../ August Krol/ Y kondycyach ... y ... Naszą/ Pieczęć WWXLitto/ WWXLitto

...../// WXLitto
 Dnia XIV. – M iesi 1ca Listopada Roku Panskiego M DCCXLIV [1744] XII. –/ [August
 Krol¹]/ Konfirmacya Przywileiow Miastu/ Nowodworskiemu w Powiecie Woł=/
 kowyskim/ Felix Owsiany Czesnik Powiatu Wołkowyskiego/ Jeo Kr'Msci' y Pieczęci Wielkiej WoXaLo
 Sekretarz/ mpa'.”.

Унізе дакументу на чырвоным плецяным шоўкавым шнуры прывешана ў жалезнай з
 плямамі іржы бляшанцы вялікая пячатка ВКЛ на чырвоным воску, якая добра захавалася:
 у цэнтры герб “Пагоня” пад княжацкай мітрай, па баках два рыцары-тарчатымальнікі,
 якія абапіраюцца на картушы з выявамі гербаў Ветынаў. Па колу змешчаны 12 гербаў
 зямель ВКЛ і “Арол” Польшчы. Унізпячаткі разбівае надпіс ў абтоку герб Яна Фрэдэрыка
 Сапегі: авальная тарча падзелена на дзве часткі – у правай выява “Ліца”, у левай – тры
 ліліі. Надпіс у абтоку: “AVGVSTVS III: D: G: REX: POLONIAE: MAG: DVX: LITHVANIAE
 · RVS: PRVS || MASO: SAMO: PODL: VOL: PODOLIAEDVX: SAXON: & ELECT”.

На адвароце дакументу захаваліся наступныя запісы: “Cancellariatu/ Jll'mi et
 Excellentissimi Domini Domini Joannis/ Friderici Comitis in Kodec, Czarnobyl, Dorohostaie,
 Kopyiy, Wirzchowice, Kupin, et Sapiezyn/ Sapieha/ Supremi Magni Dukatus Lithuaniae
 Cancellary./ Brestensis Gorzdoviensis Propoyscen: ettc' Capitanej./ Sigillatum/ Est in Actis./
 Nowegodworu.” і “Roku 1804o Miesiąca Septembra Dwadziestego/ Siodmego Dnia, przed
 Aktami Ziemskimi ptu/ Wołkowyskiego stawaią osobiscie Szttny Michał/ Hruszewski bywszy
 Burmistrz Miasteczka Nowe/go Dworu/ Krola Jego mosci Polskiego do Akt podał/
/”. Унізе па краю дакументу маюцца тры штампы: 1) чатырохвугольны
 (35x15 мм) з надпісам у тры радкі: “Гродненский/ Государствен. Музей/ Фонд № 8439”;
 2) чатырохвугольны (35x18 мм) з надпісам у тры радкі: “Гродненский/ Обл. Музей/ Фонд
 № 1357” (нумар закрэслены накрыж); 3) чорны круглы (20 мм) штамп з польскім арлом
 пад каронай, надпіс у абтоку “*MUZEUM W GRODNIE”, пад ім рукой Ю.Ядкоўскага
 чорнымі чарніламі прастаўлены нумары “3029” (закрэслены той жа рукой) і “2755”.

(ГДГАМ, КП б/н).

¹ На адарваным кавалку.

Крепостные рабы помещиков Брайчевских

Николай Быховец

Как известно власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно. Конечно, прежде всего, это относится к тем людям, у которых отсутствуют моральные тормоза, совесть и прочие душевные человеческие качества. Для таких людей не писаны не только человеческие законы, но и Божие. Во времена крепостной зависимости крестьян, когда подданные помещика напрямую зависели от воли своего хозяина, добиться обиженному и неграмотному крестьянину правды было весьма проблематично. Правда и то, что далеко не все помещики злоупотребляли своей властью, тем более их благополучие и достаток зависели от тех же крестьян. Как говорится, у хорошего и рачительного хозяина и работники живут, как у Христа за пазухой. Тем не менее, находились и такие помещики, которые, несмотря на законное положение о крепостных крестьянах, считали их своими рабами, с которыми можно обходиться, как им вздумается.

В Гродненском Историческом архиве сохранилось дело о помещиках Брайчевских, владельцев двух имений: Агатино (Ширковичи) и Комары с деревнями Агато́во и Тереховичи в Волковысском уезде (сейчас в Зельвенском районе), которые не выдержали испытания властью. Само следственное дело, многие детали и последовательность событий в архивном деле отсутствуют, но, тем не менее, оно дает ясное представление, как о самих помещиках Брайчевских, так и о нравах того времени. Здесь мы наблюдаем редчайший случай, когда всю семью помещика царские власти объявили виновными в издевательствах над крестьянами и отдали за это под суд. И так:

(Стиль и орфография документов сохранены. – Н.Б.).

«Министерство Внутренних Дел, Начальник Гродненской Губернии, по канцелярии, стол 1, апреля 1 дня 1858 г., № 2375, г. Гродно

Гродненскому Губернскому Правлению

Господин Генерал-Губернатор, рассмотрев следственное дело об угнетении и жестоком обращении помещиков Брайчевских с крепостными крестьянами принадлежащих им имений изволил найти:

Помещик Тит Брайчевский, приобрев в 1838 г. покупкою имение Агатино или Ширковичи, для уничтожения в этом имении черезполосицы перевел межевых крестьян из прежних усадеб, хорошо возделанных и хлеборобных на менее удобные и малохлеборобные. Это обстоятельство, а с другой стороны незаконные поступки и непозволительное для крестьян управление самого Брайчевского, его жены и сына, поручика, пребывающего в имении под предлогом болезни, довели населенных в этом имении людей к обнищанию и разорению, многих из них испортили в нравственном отношении и развратили, и наконец, посеяв у крестьян неудовольствие и озлобление противу их владельцев...

При следствии все призванные к спросу крестьяне и дворовые люди... жаловались, что помещик Брайчевский переводом их на земли песчаные и бесплодные, от коих они не получают никаких выгод, расстроил их хозяйства и привел их в совершенное разорение, что крестьяне принуждаемы были отбывать своему владельцу барщину без всякого расчета целыми семьями и всю неделю, даже в воскресные и праздничные дни..., они постоянно лишались рабочего скота, изнуряемого чрезмерными работами; что не взирая на то, что

имение Агатино отдаваемо было в арендное содержание разным лицам, однако крестьяне сверх барщины арендатору принуждаемы были даже побоями и наказаниями идти работать и к самому Брайчевскому, что продолжалось до 1851 г., т.е. до того времени, когда имение было взято в арендное содержание помещиком Ходаковским, который облегчил их в повинностях и по контракту не дозволил помещику Брайчевскому употреблять их к своим работам; что дворовые люди в имении Агатино за свою службу не получали никакой оплаты, а хлеб на продовольствие отпускался им в весьма недостаточном количестве; что у некоторых из них, как у крестьян, под разными предложениями помещик Брайчевский отбирал то домашний скот, то другое собственное их имущество и деньги, заработанные ими на службе у посторонних лиц; что ... поручик Ильдефонс Брайчевский в особенности изобличался в чрезмерных и бесчеловечных наказаниях. В этом отношении крестьяне показали, что за 10 лет до начала следствия крестьянин Петр Вихтер был весьма часто тяжко наказываем помещиком Брайчевским и в последний раз, получив до 200 ударов, скрылся, не желая подвергаться дальнейшим истязаниям. Домой не возвращался, а в последствие сгнившее его тело было найдено в сенном сарае священника Олиферовича, у коего он прежде служил; что крестьянки Терезия и Марианна Соколовские были тяжело наказаны помещиком Брайчевским во время их беременности, и первая из них даже собственноручно разрешилась преждевременно тотчас по наказанию неживым ребенком, после чего и она сама была постоянно больна и умерла на третий год, а другая, хотя и родила живое дитя, но оно сейчас же после родов умерло; что помещик Брайчевский часто склонял крестьян к прелюбодеянию, а две из них, Катерина Меречкова и Катерина Вихтерова были принуждены к сему побоями; что крестьянская вдова Агата Вихтерова и крестьянин Яков Шпак мимо обоюдного нежелания были принуждены Брайчевским вступить в брак; что крестьянин Франц Будрук раз подвергся жестокому от Брайчевского наказанию не менее ста ударов, а потом сей помещик ударил его палкою по голове так, что он упал в обморок. Следователем был найден у него шрам на голове. Кроме того, крестьяне объявили и о других случаях испытанных ими тяжких наказаниях от Брайчевского и его жены, которая, как видно из обстоятельств дела участвовала в более жестоких наказаниях и подобно мужу своему не только подвергала находившихся в услужении дворовых людей тяжким взысканиям, но и наносила собственноручно побои. Так между прочим крестьянка Агата Буйсова столь жестоко была наказана Брайчевской, что все тело ее от побоев вспухло. Но самые бесчеловечные наказания, превосходящие даже те, которым крестьяне подвергались от помещиков Брайчевских, крестьяне относят к сыну их поручику Ильдефонсу Брайчевскому, которого между прочими случаями люди сие обвиняют: что из них Сымон Вихтер и Антон Сыроватка за сруб дерева в лесу соседствующего помещика наказаны были им столь тяжело и жестоко, что они не были в состоянии приподняться с земли и после, оставаясь больными, не могли даже надеть рубашки; что подобным бесчеловечным наказаниям подвергались Агата Шпакова и Яков Соколовский из коих последний целые сутки сперва был продержан в сарае помещиком Брайчевским с крепко связанными руками и ногами, а после был отправлен для наказания к поручику Брайчевскому. Петронелия Буксова протерпела два раза жестокие наказания от самого Брайчевского и сына его.

К несомненному убеждению в том, что семейство Брайчевских действительно употребляло во зло помещичью власть по управлению принадлежащим ему имению и допускало невероятные жестокости в обращении с подвластными ему людьми, представляются по делу фактические доказательства:

1. 28 человек крестьян, окружающих поместье Брайчевских имений, под присягою утверждали показания Агатинских людей, как насчет разорения помещиком Брайчевским переводом на бесплодные земли, так и относительно требования их работать даже в праздничные и воскресные дни, ... причем зажиточные и хорошего поведения хозяева были доведены к расстройству и обеднению. Они развратились так, что многие из них оказались прикосновенными к разным воровствам...

2. Служивший в имени приказчиком однодворец Петрович, денщик поручика Брайчевского Максаков, посторонний крестьянин Ляцкий, а также дворовый человек Осип М. (фамилия нечитаемая), который был употреблен помещиком Брайчевским для наказаний, под присягою, взятою от них по согласию Брайчевского, вполне подтвердили про наказания и жестокое обращение с подвластными им людьми.

3. Соседние помещики, также под присягою, хотя и отозвались, что не имеют сведений о жестоком обращении Брайчевских с крестьянами, но не одобрили их поступков со своими людьми, а большая часть удостоверяла об отягощенной барщине, разорении и не заботливости об своих крестьянах.

Дело это по окончанию исследования 22 декабря 1853 г. за № 13165 отослано было Господину Генерал-Губернатору, а также к Гродненскому Губернскому Предводителю Дворянства для передачи на обсуждение Собрания Предводителей и Депутатов от Дворянства.

3 февраля 1856 г., признав помещиков Тита и Агафью Брайчевских виновными только в допущении сына Ильдфонса Брайчевского к неумеренному наказанию крестьян, Собрание положило на основании Высочайшего Рескрипта от 5 сентября 1826 г. сделать им посредством Предводителя строгое на первый раз внушение.

По рассмотрении вышеизложенных обстоятельств настоящего дела, Его Высокопревосходительство Господин Генерал-Адъютант Назимов, находя, что помещики Тит и Агафья Брайчевские формальным исследованием и на основании, неподлежащих никакому сомнению доказательств, ...но также, как и сын их, поручик Идельфонс Брайчевский, запятнали себя жестокими и бесчеловечными наказаниями, побоями и наказаниями дворовых и крестьянских людей своих, изволить предложить на основании 371 и 373 Ст. Свода Законов, Тома 14 о преступлениях о немедленном подвержении опекунскому управлению принадлежащим им имений, а равно как о запрещении им сделок с купчими и других сделок, равно о воспрещении им пребывания в их имениях и всякого влияния на управление и распоряжение в них.

Кроме того..., Его Высокопревосходительство вошел в сношение с Господином Министром Внутренних Дел, и об испрошении на основании 363 статьи просит Высочайшего разрешения на предание сих помещиков суду за жестокое их с крепостными своими людьми поступки» [1, с.1-8].

Как видим из данного документа, несмотря на тяжесть проступков помещиков Брайчевских, на защиту своего дворянского сословия стало собрание дворянства Гродненской губернии. К чести Виленского губернатора Владимира Ивановича Назимова он несогласился с мнением собрания и самолично добился отдачи под суд всего семейства Брайчевских. Однако, чтобы судить дворян, надо было получить согласие самого императора. И такое разрешение было получено:

«Управление Виленского Военного Губернатора и Генерал-Губернатора Гродненского и Ковенского, Отделение 2 в г. Вильна, 4 апреля 1858 г.

Господину Начальнику Гродненской Губернии

По всеподданнейшему докладу Господином Министром Внутренних Дел отношения моего о жестоком обращении с крестьянами помещиков Брайчевских и сына их поручика Ильдфонса Брайчевского, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: Тита и Агафью Брайчевских передать на основании 363 статьи 14 Тома устава о преступлениях уголовному суду» [1, с.11].

Отдельное указание о судьбе поручика Брайчевского поступило от военного министра:

«Управление Виленского Военного Губернатора и Генерал-Губернатора Гродненского и Ковенского, Отделение 2 в г. Вильна, 14 мая 1858 г. № 2601

Господину Начальнику Гродненской Губернии

Государь Император по всеподданнейшему докладу Господином Военным Министром об изложенных в отношении моем к Господину Министру Внутренних Дел поступках штабс-капитана Калужского Артиллерийского Гарнизона Брайчевского, обвиняемого в истязании

и жестоком наказании крестьян, принадлежащих его родителям, Высочайше повелеть соизволил: предать офицера этого военному суду арестованным.

Генерал-Адъютант Назимов» [1,с.15].

Как видим за это время, которое поручик Ильдефонс Брайчевский находился в имении своих родителей, ему было присвоено очередное воинское звание штабс-капитана.

Как выше упоминалось, самого следственного дела Брайчевских в архиве не имеется, а настоящее архивное дело содержит переписку о поисках родственников Брайчевских, коим по закону должно было перейти опеку над двумя имениями. Переписка растянулась на долгое время и о судьбе самих помещиков Брайчевских можно судить только косвенно из включенных в деле документов. Так, как родственники не были обнаружены, то опека над имениями Агатово и Комары была поручена помещику Адаму Ельскому [1,с.384]. В свою очередь он передал имение Комары в аренду дворянину Станиславу Пацынке. В июне 1860 г. Пацынка пишет жалобу на действия семейства Брайчевских Виленскому военному губернатору Назимову, из чего можно судить, что в 1860 г. семейство Брайчевских было на свободе. Какое наказание вынес им ранее в 1858 г. суд – неизвестно. В ответ на жалобу Пацынки 16 февраля 1861 г. Виленский губернатор направляет письмо Гродненскому губернскому Правлению:

«По жалобе дворянина Станислава Пацынки на самовольное вытеснение его помещиками Брайчевскими из состоявшего в его содержании по формальному договору имения сих помещиков Комары, взятого в опеку за злоупотребление владельцами помещичьей власти, равно на ограбление его имущества и бездействие по сему делу Волковысских Земского Суда и Дворянской Опеки, Губернское Правление от 12 сентября 1860 г. за № 7013 представило мне, что как дело Пацынки об арендном договоре на имение Комары Волковысским Земским Судом представлено в тамошний Уездный Суд, в который проситель обратился с жалобой по сему предмету, то ему Правлением предоставлено ожидать решения суда.

Ныне дворянин Пацынка вновь прислал ко мне прошение, в коем объясняя, что независимо от дела об арендном договоре, состоящего в рассмотрении Уездного Суда, ему, просителю, следует возратить ограбленное у него помещиком Брайчевским и сыном его штабс-капитаном Идельфонсом Брайчевским имущество, а также произвести следствие о буйственных их поступках с просителем и сверх того подвергнуть взысканию Волковысский Земский Суд и Дворянскую Опеку за бездействие их по жалобам просителя. Также ходатайствую об оказании ему законного содействия и удовлетворения...

Генерал-Адъютант Назимов» [1,с.397-398].

Видимо семейство Брайчевских не понесло надлежащего наказания, так как не успокоилось и дальше продолжило свое буйство, но теперь уже в отношении арендатора их имения Пацынки. Помещичий сын Идельфонс если и был судим военным судом, то остался при своем звании и по-прежнему находился не при воинской части, а при своих родителях.

4 июня 1862 г. имения Агатово и Комары из ведомства Волковысской дворянской опеки были освобождены и вновь перешли во владение помещиков Брайчевских [1,с.469].

К этому времени глава семейства Тит Брайчевский уже умер...

Из архивных документов известно еще об одном из Брайчевских – Рудольфе, который был вторым сыном в семье. Рудольф Брайчевский, отставной поручик из имения Комары, 27 января 1865 г. состоял под строгим надзором полиции и на поручительстве по подозрению в содействии восстанию 1863 г. Был за это оштрафован на 500 рублей серебром.

Еще известно, что имение Комары находилось у наследников Брайчевских, а именно у Рудольфа Брайчевского, вплоть до Первой мировой войны.

Источники:

1. Национальный Исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ) Ф.2. О.29. Д.1931

З гісторыі пасяленняў Стары Дворац

Вітальд Карпыза

Сядзіба ў Старым Дворцы ў 1939 г. Малюнак Вітальда Карпызы

Стары Дворац – гэта трэшкі лягенд і мноства гісторый. Быў і таямнічы камень, “які ляжаў, – як піша Часлаў Сурмач, жыхар гэтай ваколіцы, – каля тракту з Залучан да Вялікай Бераставіцы. Відаць яго было толькі зверху, але пры раскопцы выявілася, што гэта велікан. Існавала лягенда, што гэта зачараваная святыня. Камень быў з белага мармуру. Перад Першай сусветнай вайной камень купілі немцы, парэзалі яго на кавалкі і вывезлі”. У міжваенны перыяд ля старога тракта стаяў легендарны дуб-велікан, які зламаўся і паваліўся. На яго трухлявым пні маглі змясціцца конь з возам. Ля дарогі некалі стаяла і таямнічая каплічка, да якой людзі прыходзілі таемна. Нават пісьменнік Ваньковіч у адным з сваіх каляровых рэпартажаў аб усходніх крэсах прывёў кашмарную звестку. У 1866 г. у старадворскім палацы раптоўна памёр вядомы жартульнік з Брэстчыны Дагоберт Чапліньскі. Перад смерцю, калі яшчэ быў пры памяці, загадаў пахаваць яго ў скуру любімага каня Кусага, а з капыт зрабіць падсвечнікі, якія былі павінны стаяць вакол яго труны.

Палац у Старым Дворцы хутчэй паходзіў на сядзібу, быў драўляным, схаваным за сцяною стройных векавых ліп, які існуе і па сёняшні дзень. Але лягенды застаюцца лягендамі, і нават Ваньковічу не заўсёды можна давяраць, бо ў сваёй літаратурнай гарачцы нейкія рэчы мог перабольшыць.

Стары Дворац ляжыць на мяжы Бераставіцкага і Ваўкавыскага раёнаў. Адміністрацыйна належыць да Вялікай Бераставіцы, але яго жыхары ходзяць да царквы і касцёла ў Вярэйкі, якія ў Ваўкавыскім раёне. Стары Дворац узгадваецца ў 1478 г. як уласнасць Аляксея Сыдумантовіча. Адсюль ён фундаваў дзесяціну для воўпенскага касцёла, бо быў

таксама гаспадаром Воўпы. У 16 ст. Стары Дворац ужо належыць Паўлу Гальшанскаму, Луцкаму біскупу, гаспадару блізлячай Воўпы. Ад яго Стары Дворац перайшоў да нейкага Рымбовіча, каралеўскага прыдворнага, што пазней пацвердзіў кароль Жыгімонт Аўгуст. Потым уся маемасць Рымбовіча, разам з Воўпай, апынулася ў каралю, на базе якой атрымалася Воўпенскае староства. Яшчэ праз нейкі час Стары Дворац перайшоў да Сапегаў, але часта перадаваўся іншым гаспадарам у якасці заклада або арэнды. Пад 1686 г. знаходзім упамінанне, што Казімір Ян Сапега ажаніўся з Глябовічавай, бацька якой валодаў у той час Россю і Воўпай. Стары Дворац разам з ваколіцамі быў адданы пад залог у 8 000 злотых Міхалу Валовічу, слонімскаму падкаморнаму і ягонай жонцы Соф’і з роду Масальскіх. У 1712 г. маемасць пераходзіць да Даніэля Выкоўскага, канюшага Вялікага Княства Літоўскага, а яшчэ пазней да Адахоўскага. Калейным часовым ўладальнікам Старога Дворца стаў князь Юзаф Аляксандр Ябланоўскі, які праз жаніцьбу з Сапяжанкай стаў гаспадаром Воўпы. Князь пачаў спрэчкі з законным гаспадаром Старога Дворца, даказваючы, што гэтая маемасць належыць Воўпенскаму староству. Урэшце ён выкупіў Стары Дворац.

Князь Ябланоўскі, навагрудскі ваявода, заслужаны перад польскай навукай чалавек, горды і надзвычай добры, але прыхільнік дваранскага этыкету, які даходзіў да абсурду. У Ляхавічах, якія належалі яму, кожную нядзелю апранаў мітру і, узяўшы ў рукі зорку, сядзеў на троне, каб выслухаць сваіх падданных сялян, якія ля трона павінны былі стаць на калені.

Часта падарожнічаў, будаваў і ўпрыгожваў свае рэзідэнцыі ў Падгорцах, Ябланове над Неманам (недалека ад Воўпы), Воўпе, Старым Дворцы, Гродне і Ляхавічах. Быў мецэнатам касцелаў, у тым ліку царквы ў Старым Дворцы. У запісе фундацыі Ябланоўскага ўніяцкай царкве запісана наступнае: “Для адлеглай царквы, якая нават знаходзіцца ў чужым прыходзе, але на тэрыторыі маіх уладанняў у Старым Дворцы, атрыманых у спадчыну, і дзе знаходзіцца маіх 8 весак, замысліў я пабудаваць плебанію і рэзідэнцыю”. Акрамя таго, ксендз Самуэль Янкоўскі з гэтай царквы атрымаў тры валокі зямлі ад Ябланоўскага. Пад дакументам стаіць дата 8.10.1757 г. і подпіс Ябланоўскага. Гэта быў невялікі прыход, у якім у 1808 г. налічвалася каля 300 прыхажан. Царква згарэла ў 1848 г., праз некалькі гадоў пасля гвалтоўнага перапісу ўніятаў у праваславных. Ад уніяцкай царквы засталіся пляц і каплічка, якая стала культавай як для праваслаўных, так і для католікаў. Пляц знаходзіўся ў коле старых кустоў бэзу, у цэнтры якога стаяла пабеленая каплічка без дзвярэй, з жалезным крыжам на версе. Тут хавалі нехрышчоных або неданошаных дзяцей. Пасля Другой сусветнай вайны на гэтым месцы адзін з калгаснікаў пабудаваў дом, разабраў цагляны стоўб, ужыўшы цэглу на будоўлю печкі.

У 1765 г. памерла жонка Ябланоўскага, і ён другі раз жаніўся на Францішцы, княжне Варанецкай, з якой пазнаеміўся ў Беластоку, у палацы Браніцкіх. Была прыгожай і адукаванай, і хаця са шляхецкай сям’і, але бедная. На той час мела ўсяго 15 гадоў. Ён, 50-гадовы магнат, нават не сказаўшы ёй ні слова, папрасіў у яе рукі ў лісце. Той ліст у арыгінале ніхто не бачыў, але пра той ліст хадзіў анекдот, які добра характарызуе Ябланоўскага: “Я, Юзаф Аляксандравіч Ябланоўскі, князь Святой Рымскай дзяржавы, ваявода навагрудскі, кавалер некалькі айчынных і замежных ордэнаў, гонар і чэсць маея сям’і, у графстве сваім спадчынным удзельны пан. Даважу да Вашай міласці, што моцна заняпадлы дом Вашай міласці і патускнеўшую годнасць падняць гатовы. Даважу да Вас, што задумаў Вас пакахаць і пакахаў, і таму прашу, каб у дзень, назначаны маім паслом, прыехала панна да мяне да маея маемасці Наклы, дзе з годнасцю цела мае чакаць будзе. Абяцаю ў якасці кампенсацыі 100 тысяч злотых, толькі прыезджай хучэй, бо з нецярпліваасцю чакаю цябе. Да пабачэння”.

Пасля смерці ваяводы Ябланоўскага, памершага 1 сакавіка 1777 г. у Ліпску, Стары Дворац перайшоў да Варанецкіх. Ва ўспамінах чытаем: “Княгіня Францішка Варанецкая была бедная, але прыгожая brunетка, з сівымі прыемнымі вачыма і прыгожымі ружовымі губамі... Хоць княгіня мела 70 год, але заўсёды выглядала добра. Сівыя валасы фарбавала з дапамогай срэбранай лыжкі, якую капціла над полымем свечкі. На галаве заўжды насіла шляпку, не растаючыся з ёй нават у хаце, прыкрываючы твар ценню ад зяленага вуалю. Пад час ранішняга туалету гневалася і капрызнічала, бо лічыла, што старым людзям эмоцыі

прадляюць жыцце... Пасля абеду загадвала расставіць крэслы так, каб паміж імі былі пераходы, потым аднатанцавала менуэт, кружачыся між крэсламі, смеючыся і робячы розныя рухі”.

У 1810 г. Стары Дворац ад Варанецкіх набыў Тадэвуш Бутаўт-Андржэйкевіч. Сям’я гэтых Андржэйкевічаў праславілася праз сына Міхала, калі расійскі цар Аляксандр Першы ў польскай правінцыі пачаў назначаць губернатарамі палякаў і між іннымі гродзенскім губернатарам стаў Міхал Бутаўт-Андржэйкевіч (1817-1824). Сваёй пасадай ён быў абавязаны камандуючаму 2-й рускай арміяй Лявонцію Беннінгсену, які быў жанаты на сястры Міхала, Марыі. Гэта быў той самы Беннінгсен, які ў ліку іншых прычыніўся да гвалтоўнай смерці цара Паўла, асабіста задушыўшы яго шалікам. Марыя была чацвертай па ліку жонкай Беннінгсена, немца з Гановера, які знаходзіўся на рускай службе. Меў 28 гадоў і раней служыў афіцэрам у арміі Гановера. У 1773 г. у чыне падпалкоўніка перайшоў службы да цара. Званне генерал-маёра атрымаў, змагаючыся з паўстанцамі Касцюшкі, у 1794 г. Страціўшы давер цара Паўла, быў высланы на Каўказ, адкуль яго вызваў Пален з мэтай замовы супраць Паўла. Беннінгсен апынуўся адзіным з замоўшчыкаў, якога наступны цар Аляксандр Першы не аддаліў ад сябе, а надаў адказную пасаду віленскага генерал-губернатара (1801-1804). Узнагароджаны многімі ардэнамі, усё ж адчуваў сябе чужаком, бо нават так і не навучыўся размаўляць па-руску. У 1818 г., звольнены са службы, разам з жонкай вярнуўся ў свой родны Гановер. Марыя Беннінгсен, якая наведвала свайго брата ў Гродне, гаварыла яму пра свайго мужа: “Не магу больш тут бавіць час, бо мой муж не можа вечарамі быць адзін. Яму ўвесь час у вачах стаіць задушаны ім цар Павел”.

Беннінгсен, як і Міхал Бутаўт-Андржэйкевіч, належалі да аднаго тыпу людзей – кар’ерыстаў. Той жа Міхал, будучы ў 1812 г. гродзенскім павятовым маршалкам, сустракаў французаў, акупіраваўшых Гродна. У 1817 г. стаў гродзенскім губернатарам, а ў 1824 г. назначаны на пост валынскага грамадзянскага губернатара. Быў вызвалены ад службы і памер у 1830 г. Яго сын Рышард, маршалак Ваўкавыскага павета, удзельнічаў у паўстанні 1863 г., за што страціў усе свае маёмнікі, і між іншымі Жэрна ў Ваўкавыскім павеце.

Аднак Стары Дворац заставаўся ў радзіны Андржэйкевічаў да 1939 г., хаця і быў адданы ў арэнду. Пад час Першай сусветнай вайны Андржэйкевічы пераехалі ў Германію, забраўшы з сабою каштоўныя рэчы, якія ўжо назад у Стары Дворац ніколі не вярнуліся. Затое вярнуліся назад гаспадары: Лявон Бутаўт-Андржэйкевіч, халасты, з хворай рукой, і ягоная сястра Ванда, якая была інвалідам і рухалася на калясцы. Абодва рана памерлі: Ванда ў 1919 г., а Лявон – у 1924 г. Былі пахаваны ў падзямеллі капліцы на могілках Рэплі. Іх магілы аглядваў у 1980 г., але грабы былі пустыя. Пасля смерці Лявона маёнтак Стары Дворац перайшоў да далёкіх сваякоў, якія не цікавіліся ім. Яшчэ ў 1918 г. сяляне з вёскі Леваневічы напалі на сядзібу маёнтка, раскраўшы маёмасць, а саміх Андржэйкевічаў пасадзілі пад хатні арышт. Ратунак прынеслі немцы, стаяўшыя ў суседней вёсцы Злобаўшчыне. Пакаралі аднак непавінных, а сапраўдныя злачынцы ўцяклі. У верасні 1920 г., калі польская армія гнала на ўсход бальшавікоў, у Старым Дворцы было ўзята 40 палонных. З 20 па 26 верасня тут стаяла польская транспартная калона, якая прымала са станцыі Бераставіца правянт і амуніцыю і дастаўляла ўсё гэта для трох дывізій з польскіх легіёнаў пад Рашэва (камандуючы генерал Бербецкі). З тых часоў у мясцовым парку засталася магіла польскага жаўнера з надпісам на таблічцы “Якуб Цесэк”.

Сядзіба ў Старым Дворцы перажыла две сусветныя вайны, але не перажыла калгаса. Стаяла яшчэ ў 1980 г., служачы калгаснікам у якасці жылых памяшканняў. Яны разабралі ганкі, зрабіўшы новы ўваход і перабудаваўшы памяшканні на меншыя плошчы і атачыўшы дом агародамі. У некалі вялізным парку захаваліся алеі з векавымі дрэвамі і пасуцца каровы. Калі быў тут другі раз, то сядзібы ўжо не было – яе разабралі, і дрэва пайшло на апал. Застаўся таямнічы падвал, уражваючы сваім выглядам, бо пабудаваны з вялікіх каменяў, што ўзгадала мне “будынак цыклопаў” з міфаў дрэўняй Грэцыі.

Дзіцячыя гады на роднай зямлі

Вітальд Карпыза

Працяг. Пачатак у № 1-5

Цётка Маня на цагельні з’яўлялася толькі вечарамі або ў свята, каб пераначаваць. Кожны ранак з Германаўшчызны прысылалася брычка, і цётка на цэлы дзень выязджала туды на працу, дзе пільнавала гаспадарку. Канямі на брычцы ўпраўлі Антон Першы або Антон Другі. Першы – невысокага росту, тоўсташчокі з воспінамі на твары і бяльмом на воку. Уваходзячы ў кухню, ставіў пугу пры дзвярах і пачынаў скручваць папяросу. Рабіў гэту справу, як і кожны беларус, з паважнасцю і абраднасцю. Перад тым, як улажыць самакрутку ў рот, выціраў нос рукавом, а потым не вымаў папяросу з рота да той пары, пакуль не адказваў на пастаўленае пытанне.

Антон Другі, наадварот, высокі, прыстойны мужчына з чорнымі пышнымі вусамі. Зімой і летам не раставаўся з вялікай барановай шапкай. Не памятаю таксама, калі ён знімаў кажух. У кухні таксама тварыў абрад “перакура”. Кісет з тытунем насіў у штанах і дастаць яго з іх было цяжкавата. Для гэтага адхінаў крыло кажуха, пару разоў падскокваў, грукаючы падкованымі ботамі аб цагляную падлогу, і нарэшце даставаў тытунь.

Абодвух Антонаў я любіў. Налезалі да пачцівых людзей. Кожны ранак прывозілі з Германаўшчызны свежыя навіны: чыя карова ацялілася, што было ноччу, што патрэбна зрабіць сённа на полі. Калі цёця не ехала ў фальварак, значыць, павінна была ехаць на разбор судовых спраў у Свіслач. Судзілася пастаянна, як у былыя старыя часы, калі судовыя цяжбы лічыліся неабходнай справай. Падзравала радзіну памерлага мужа, што пад час іх сумеснай гаспадарчай працы без дазволу затрымлівалі брычку, каня або іншыя гаспадарчыя рэчы. Такія працэсы цягнуліся гадамі і не прыносілі аніякай карысці, затое прыносілі даволі эмоцыі. Размоваў пра калейнае наведванне суда хапала на некалькі вечароў, калі цёця па костачках разбірала ўсё, што рабілася ў судзе, расказваючы пра кожны жэст судзі Курана, а мы, слухачы, стараліся падліць масла ў агонь.

Дамовай гаспадаркай у цагельні займалася бабця Гелена, родам з Вільні, узростам каля 50 гадоў. Заўжды была занятая і пра ўсё клапацілася. Акрамя таго, сачыла за Ядзіным і маім выхаваннем. З намі не цырымонілася. Адночы пасадзіла мяне ў ванну разам з Уняй.

Муж бабці раней, пры цару, быў поварам у Азнабішына ў Мастах. Брат бабцінага мужа працаваў ляснічым у Борхаве пад Гомелем. Калі ў 1915 годзе пачалася эвакуацыя, Балтрукевічы, бабціна радзіна, схаваліся ад вайны ў яго. Там жа перачакалі рэвалюцыю.

У доўгія зімовыя вечары з зацікаўленасцю слухаў пра яе жыццё ў Борхаве і нават некалькі гадоў пазней напісаў “аповесць”, якую, калі сюды прыйшлі Саветы, мусіў спаліць. Зараз шкадую, бо аднавіць яе ўжо не змог. Будучы ў 1955 г. у Вісьлінках, дзе апошні раз спаткаўся з бабцяй Геленай, змог яшчэ раз паслухаць тых гісторыі. Вось што занатаваў у сваім дзённіку пад датай 11 лістапада 1955 г.

– Як вы, бабця, з сваёй сям’ёй апынуліся ў Расіі?

– Ну, вайна! Усе ўцякалі. Муж працаваў у Азнабішына ў Мастах. Квасоўка таксама належала Азнабішыну. Дасталі пару каней і воз. Цесна было. Ехалі чатыры тыгодні. Восень была. Людзі капалі бульбу.

– А як апынуліся ў Гомелі?

– Пад Гомелем, каля Рэчыцы, у Борхаве брат мужа, Людвік, працаваў у Юзафа Крушэўскага ляснічым. Прыехалі да яго. Што за мясцовасць! Лугі і лугі. Лясы і лясы. Не было нават ворнай зямлі. Вясной усе вакол залівала рака (бабця не памятае назвы той ракі), і вада даходзіла да самай леснічоўкі, якая называлася Глухіны, 12 кіламетраў ад Борхава, над возерам Глухава (хутчэй за ўсе, возера Глушэц у басейне Дняпра за 25 км на поўнач ад гарадскога пасёлка Лоеў. Плошча возера 0,32 км кв. – заўвага рэдактара). На супрацьлеглым баку знаходзілася вёска Гірава. А які маёнтак! Добра нам там было. Палац у Борхаве Юзафа Крушэўскага пабудаваў В. Марцоні ў 1911 г. У самым Гомелі Крушэўскія мелі ладны дом, дзе праводзілі зіму. Муж застаўся поварам у Крушэўскіх. Нашы дзеці цэлымі днямі гулялі з панскімі дзецьмі.

У пакоі басамі грывіць гадзіннік, той самы, які некалі адлічваў час у Борхаве, а потым калісьці будзіў мяне ў 6.30. у Бердзіках. Зараз гэты звон застаўляе хучэй біцца мае сэрца, а бабця тым часам распавядае далей:

– Гэты гадзіннік з Борхава. Ляжаў сапсаваны ў ламусе. Муж папрасіў дазволу яго пачыніць. Гадзіннік пайшоў і ідзе да сёняшняга дня. У Борхаве была электрастанцыя і жыў стары лекар. Быў такі звычай, што адзін раз на тыдзень ён бесплатна лячыў мясцовыя людзей. Тады увесь двор насупраць палаца застаўляліся вазамі сялян.

– А як сустрэлі рэвалюцыю?

– Спачатку па памешчыцкіх маёнтках пачалі шураць узброеныя групы сялян, а тыя маёнткі пераважна належалі палякам. Пан Крушэўскі чакаў іх кожны вечар. Муж пасля таго, як пакарміў слуг, пайшоў у парк, каб дагаварыцца з вартаўніком аб паляванні на заўтрашні дзень. Вартаўніку было 97 гадоў, і ён рабіў уражанне пячорнага чалавека. Жыў адзін у зямлянцы пры палацы. Памешчыца называла гэтую зямлянку “курацьнік”, а вартаўнік Давід паліў там вечны агонь. Дым выходзіў праз дыру ў даху. Муж аднак да зямлянкі не дайшоў: яго запынілі вартавыя і накіравалі назад да палаца. Тут ля сцяны стаялі жыхары палаца. Крушэўскаму, як гаспадару, дазволілі сядзець. Незнаёмыя людзі, пераважна ў масках, рыскалі па палацы. Усе пры ружжах. Ружжаў было многа, бо і леснікоў, якім гэтыя ружжы належалі, у Крушэўскага было многа. Нарэшце адышлі, але забаранілі пакідаць палац.

Падобны выпадак здарыўся яшчэ раз, на гэты раз сяляне разграмілі і абрабавалі палац канчаткова. Дваровая служба састаяла ў асноўным з палякаў, якія, клапацячыся аб далейшым сваім быццём, таксама рабавалі хто што мог. Крушэўскія не вытрымалі і ўцяклі ў Гомель. Надыйшлі неспакойныя дні. Перайшлі жыць у леснічоўку. Сяляне гразіліся, што не пусцяць немцаў, а палякаў мабілізуюць і выстаўляць у першай лініі адбіваць нападзенне. Тым часам каля леснічоўкі апынуўся элегантны нямецкі кавалерыст. Не раздалося ніводнага стрэла.

– Ну і што?

– А нічога. Немцы загадалі сялянам усё нарабаваныя рэчы вярнуць у палац.

Напужаныя сяляне хаваліся ў лесе, але і так назвалі добра столькі, што не змяшчалася ў гумне. Многія палякі праз пару тыгодняў выехалі ў Польшчу. Крушэўскія, хутчэй за ўсё, выехалі ў Варшаву.

Бабця распавядала тут аб Адольфе і Соф’і Крушэўскіх, а таксама аб іх дзецях: Юзафе, Станіславе і Соф’і. Сама бабця Гелена мела прозвішча Балтрукевіч, з дому Кумішчаў, нарадзілася ў 1873 г., памерла ў 1957 г., пахавана ў Гданьску.

У Шылавічах жылі мае кузіны Далідоўскія. Стась Далідоўскі хадзіў са мной у адзін клас. Ужо тады паліў папяросы, што ў вачах маея маці рабіла яго хуліганам. Дзед Стась быў арганістам у касцёле. Раней арганістам быў Чэслаў Кішкеліс. У Шылавічах таксама жыў мой дзядзька Ян Рашчэўскі, які пакінуў сваю гаспадарку ў Зіняўцах Ігналу, а сам заняў пасадку сакратара гміны Шылавіч. У той час меў 5-гадовага сына Марыся, якога я вельмі любіў.

Аднаго разу на цагельні, праходзячы са мной праз кладку, забіў глыбока ў стапу нагі цвік. Не заплакаў, за што мне стала яшчэ больш яго шкада. Пасадзіў яго на спіну, “на барана”, і прынёс на цагельню, дзе пры моцным ляманце жанчын зрабілі яму аперацыю. Праз хвіліну ён ужо пакульгаў за мной ў Шылавічы.

Да пастаянных гасцей у цагельні належалі дзядзька Ян Рашчэўскі і Аляксандр Палтарак, які загадваў у Шылавічах паштовым агенствам. Вяртаючыся са школы, заўжды заходзіў у агенства, каб забраць лісты, “Газету Польскую”, “Вясёлку”, “Рыцара бездакорнага”. Дзядзькі да нас прыходзілі вечарамі. Елі, спявалі, расказвалі розныя гісторыі, але перад васьмю гадзінамі вярталіся ў Шылавічы, бо ў восем гадзін Палтарак мусіў прачытаць тэлефанічную лінію. Тады Палтарак было каля 30 гадоў і ён ухажваў за цёцяй Ядзяй. Але праз некалькі гадоў ажаніўся на настаўніцы Гайдасавай. Раней ён у шылавічскім касцёле граў на аргане, але ксёндз прывёз новага арганіста. У 1945 г. выехаў у Польшчу і асеў у Чанстахове.

Вясной 1928 г. у Шылавічах адбылася незвычайнае здарэнне – да каталіцкай парафіі прыехаў арцыбіскуп Рамуальд Ялбжыкоўскі. Паміж 16 і 22 чэрвеня сюды ж нанёс візіт ваўкавыскі дэканат. Акрамя Шылавіч яны аглядалі парафіі ў Свіслачы, Лыскаве, Поразаве, Зельве, Росі і Воўпе.

Урачыстасці, звязаныя з прыездам арцыбіскупа, адбываліся ў школе, якая ў падобных выпадках адыгрывала не апошнюю ролю. Арганізатарам сустрэчы быў ксёндз Альфонс Зянкевіч, які перайшоў у Шылавічы са Свіслачы, а таксама набожныя настаўніцы сёстры Сарасекавы. На якойсьці прыступцы я павінен быў трымаць прывітальнае слова. Тэкст настаўніцы прыгатовілі для мяне на лісце паперы і трэба было яго вывучыць. Прыезду высокага госця спрыяла добрае надвор’е. Мой малы рост не дазваляў мне акінуць вокам чакаючага натоўпу людзей. Нарэшце натоўп захваляваўся, і на мсцібаўскай дарозе перад плебаніяй паказалася постаць у залатым убранні. Нехта штурхнуў мяне і папахнуў у накірунку незмнога яўлення. Тэкст прывітальнай прамовы выканаў “на медаль”, з глыбокай верай у тое, аб чым прамаўляў. У адказ высокі госць нешта сказаў, але я добра не пачуў. Напэўна, мае выступленне арцыбіскупам падабалася, бо пазней цёця Маня, стаяўшая побач з ім, перадала ягоныя словы:

– Благаслаўляю вас, мае парафіяне, а цябе, мой хлопчык, асабліва!

Набліжаўся канец школьнага года, а я, забеспечаны благаслаўленнем і добрымі вынікамі ў школьным пасведчанні і ўзнагароджаны ўзнагародай “Дэвайтыса”, закончыў пяты клас. Добра вядомай мне дарогай праз Янавічы, Зубаўшчызна і Курапаты адправіўся на канікулы ў Занцавічы.

1928 год быў годам гаспадарчай кан’юктуры. Праца на зямлі давала мае радні сціплы заробак. Бацька па ранейшаму выконваў абавязкі солтыса і часцяком прападаў у Вярэйках, дзе ўваходзіў у склад гміннага камітэта. У склад камітэта ўваходзілі яшчэ Уладзіслаў Сломскі (дырэктар школы), Нікадзім Аўгустэвіч, Віктар Матысяк, Адольф Кубліцкі, Павел Рэмута і Бенедзікт Майсак. Адноўчы позна вечарам бацька вярнуўся з Вярэек у незвычайным выглядзе: шапка была ссунута на патыліцу, у руцэ трымаў булаву з залацістым шарыкам, а побач з ім стаялі хмяльныя, як і ён сам, таварышы. Бацьку выбралі войтам цярэшкаўскай гміны сядзібай у Вярэйках. Наше матэрыяльнае становішча радыкальна палепшылася.

Мая мама мела свае хоббі: не магла пераносіць кавалераў і старалася іх ажаніць. Першым мамінай ахвярай стаў Казік Богдан з Косіна, якога ажаніла са Станкевіч з Курапат. Гэты факт быў бы мала значымым у маёй дзіцячай біяграфіі, калі б не “выжарка”, якая чакала на вяселлі, што пры штодзеннай бульбе з квасам, для мяне было люксовай стравой. Пад час тых канікул ажаніўся і Юзаф Карпыза з Бронькай Карпызай, сястрой Ігнала Рашчэўскага з Зіняўцоў.

Сватанне ў Зіняўцах, згодна са звычаем, адбылося ў чацвер. Бронька за выпітую сватамі гарэлку не заплаціла, а паставіла на стол пляшку сваёй гарэлкі, абвязанай стужкай, што азначала згоду.

Некалькі дзен пазней Юзік прывёз жонку ў Занцавічы. Вяселле складалася з шасці двуконных вазоў, прычым, другі конь бег побач не запрэжаны, для фасону. Упраж каней была ўкрашана каляровымі з паперы стужкамі. На першым возе ехаў падпіты гарманіст, а на апошнім везлі куфар маладой. На ўездзе ў веску моладзь збудавала з жэрдак браму і запыніла

вяселле. Пачаліся таргі, і справа скончылася выкупам. Каштавала гэта літр гарэлкі.

Вяселле доўжылася два дні.

Сват прахажваўся з павешаным праз плячо рушніком, многа гаварыў, а яшчэ больш піў. Мы ж, вясковыя дзеці і падлеткі, атачылі ўваход да дому, дзе праводзілася вяселле, хто з цікавасці, а хто з надзеяй атрымання пачастунку. Вечарам на пляцу ля гумна пачаліся танцы і нават, згодна з традыцыяй, атрымалася бойка паміж моладдзю з Занцавіч і Цярэшак. Танцы прыпыніліся, і дружбанты пайшлі ў гумно адпачываць.

Тым часам вайтаўства майго бацькі ўскладнілася. Стараста выбараў не зацвердзіў, мацівіруючы гэта тым, што бацька не валодае бегла польскай мовай. Войтам стаў яго намеснік Маршалек. Бацьку неабходна было знаходзіць нейкі занятак. Дзякуючы помачы дзядзькі Яна Скаўрона бацька ўладкаваўся на цэментоўні ў Росі. Дырэктарам цэментоўні быў немец, які таксама меў клопаты з польскай мовай. Адночы, праходзячы каля вялікай кучы попелу, звярнуўся да бацькі:

– Што гэта? Пепел?

– Так, гэта называецца пепел! – пацвердзіў бацька. І абодва, задаволеныя ў пазнанні польскай мовы, разышліся.

Адсутнасць бацькі пад час маіх канікул у Занцавічах зрабілі іх менш дамовымі. Больш часу я праводзіў з Віцем, мышкуючы па палях, пагорках, лясах і лугах. Тым не меней, некаторыя справы, што раней выконваў бацька, на гэты раз ляглі на мяне. Гаспадарку мы аддалі ў арэнду «на трэці сноп» Палісі. Каня Сіўку аддалі цётцы Зосі ў Навасёлкі, але засталася карова і хатняя гаспадарка. Мама цэлымі днямі шыла на машыне, а ў вольны час ніколі адна не сумавала. Яна любіла таварыства, умела дыскутаваць і забаўляцца незалежна ад таго, была гэта сялянская дзяўчына або пані з Масалян, брычка якой мусіла завязнуць акурат па сярэдзіне багністага ручая. Пані апынулася ў нас у хаце, дзе вымушана была сушыцца. Напэўна ёй у нас падабалася, бо ад’ехала толькі вечарам. Я ўжо сядзеў ля дзвярэй і нешта мармытаў, бо вельмі хацелася есці.

У школу ў Шылавічы зноў пайшоў з двухтыднёвым спазненнем. 19 верасня 1928 г. праз Шылавіцкую гміну меў праехаць польскі прэзідэнт Ігнацій Масьціцкі. Амаль што на парозе школы мне ўручылі тэкст прывітання прэзідэнта, і настаўніцы сёстры Сарасекавы ўздыхнулі з палёгкай. Сустрэча прэзідэнта адбылася на стыку граніц Шылавіцкай і Мсцібаўскай гмін, на дарозе, ідучай з Беластока да Ваўкавыска, дзе сышоўся народ з абедзвюх гмін. Пераважала школьная моладзь. Пасля доўгага чакання нарэшце паказаўся самаход, і шапкі паляцелі ўгору. Аднак гэта аказаўся не прэзідэнцкі самаход. Менш шапак паляцела ўгору, калі праехаў другі, а потым трэці самаходы. Нарэшце энтузіязм сустрэкаючага натоўпа знік, і калі адзін з самаходаў спыніўся, то шапкі ўгору не паляцелі. Сваю прамову я выказаў да ўсіх, хто сядзеў у самаходзе, бо не арыентаваўся ў іерархіі сядзячых у ім асоб. Самаход быў з адчыненым верхам. Сцяна з галоў шчыльна затміла від на мсцібаўскія палі і вітала прэзідэнта воклічамі. Дзверы самахода адчыніліся, і рука сіваватага пана ўцягнула мяне ў самаход. Прэзідэнт пацалаваў мяне ў голаву, запытаў, колькі мне год і аб школе. Потым прамовіў некалькі слоў да народа і праехаў некалькі метраў наперад, дзе яго ўжо вітала Мсцібаўская гміна.

Трохі раней, пад час школьных канікул, настаўніцы Сарасекавы арганізавалі экскурсію ў Свіслач на адкрыццё помніка Рамуальду Траўгуту. Адкрыццё помніка адбылося 17 чэрвеня 1928 г. Як пазней я даведаўся, ініцыятарам узвядзення помніка быў дырэктар Настаўніцкай семінарыі ў Свіслачы Баляслаў Борыс. 10 мая 1923 г. ён сабраў мясцовую інтэлігенцыю. У сходзе ўзялі ўдзел 9 асоб: пробашч Альфонс Зянкевіч, бурмістр Міхал Віленец, кіраўнік пошты Мечыслаў Ленаровіч, лекар ветэрынар Аляксандр Галынец, лекар Цалко Майзер, гандляр Ігнацій Ляўковіч, камендант паліцэйскага пастерунка Ян Нагурскі, настаўніца семінарыі Валянціна Лушчык і кіраўнік пачатковай школы Стэфан Каўнацкі.

20 мая ў горадзе пачалі збіраць ахвяраванні 6 асоб: Каўнацкі, Галынец, Кубяка, Валынчык, Дзюрбаш і Ціжыньскі. Было сабрано 550 000 марак, што ў дачыненні такога

Нумар газеты «Тыгоднік Ваўкавыскі», прысвечаны адкрыццю помніка Рамуальду Траўгуту ў Свіслачы

малага мястэчка з’явілася поспехам, але з погляду на вартасць маркі, якая хутка дэвальвіравала, такая колькасць грошай не была вялікай. Тады камітэт арганізаваў вечар з танцамі, дзе разыгрывалася латарэя, што дапамагло сабраць яшчэ 1 739 000 марак. Многа грошай на помнік ахвяравалі вучні настаўніцкай семінарыі, якія, раз’ехаўшыся на канікулы, атрымалі праштэмпеляваныя лісты з мэтай збору ахвяраванняў у сваіх мясцовасцях. Збор грошай на помнік працягваўся два гады.

«На гэты помнік, - пісала дамянесяброўка Уруска, былая вучаніца семінарыі, - збіралі ахвяраванні ў мястэчку і ў

ваколіцах. Я хадзіла з Велькем Кжэўскім. Яўрэі давалі нам па 5, 10 і 20 грошай. Былі засмучаны. На рынку нас спаткаў акцызнік Езерскі (у дакладным прозвішчы не ўпэўнена) і запытаў у нас, як ідуць справы. Калі даведаўся, што марудна, то прапанаваў:

– Калі жадаеце, то дапамагу вам.

І пачаў цягнуць з яўрэяў па 10, 20 і 50 грошай. Яўрэі таргаваліся, але мусілі даваць.

Клопаты з будоўляй помніка былі вялізнымі. Прадбачлівы скарбнік Ленартовіч пазычыў сабраныя грошы нейкаму прадпрыемству з той умовай, што вернуць пазыку збожжам. Гэта ўратавала грошы ад інфляцыі.

Аўтарам праекта помніка быў настаўнік семінарыі Павел Бялэк. Аднак праект павінен быў быць зацверджаны, і пачалася нудная карэспандэнцыя. Архітэктар Збароўскі ўнёс у праект помніка значныя змены, з арыгіналу мала што засталася. Пасля смерці дырэктара семінарыі Борыса віцэстаршыня камітэта Ян Стжалкоўскі сабраў сход. Новы склад камітэта вырашыў выслаць дэлегацыю да тагочаснага польскага прэзідэнта з просьбай прыняць пратэктарат у справе будаўніцтва помніка. Прэзідэнт даў згоду на прыём дэлегацыі. У склад дэлегацыі ўвайшлі Ян Стжалкоўскі, дырэктар зотэхнічнага прадпрыемства ў Свіслачы Томаш Вахноўскі і ксёндз Альбін Горба. Новы дырэктар настаўніцкай семінарыі паехаць не змог. Горба пісаў да мяне:

«Аўдыенцыя адбылася ў Каралеўскім замку і працягвалася 30 хвілін. Прэзідэнт Масцьцкі даў згоду і на прыезд у Свіслач на адкрыццё помніка. Аднак не прыехаў. Беластоцкі ваявода Кірст моцна абразіўся, што просьбу аб аўдыенцыі да прэзідэнта паслалі мінуючы яго, таму ў астатні час паведаміў прэзідэнта, што ваяводства не прыгатавалася да ягонага прыезду і не можа забяспечыць яго бяспечнасць. За тры дні да адкрыцця помніка прэзідэнт даслаў дэпешу, што ў Свіслач не прыедзе, а замест яго прыедзе нехта інны. Ім аказаўся генерал Фабрыцкі. На адкрыццё помніка ваявода прыехаў са спазненнем на паўгадзіны, але ў

ур ачыстым абедзе не ўдзельнічаў. Ва ўр ачыстасцях, прысвечаных адкрыццю помніка, удзельнічалі два біскупы. Біскуп Міхалкевіч адправіў набажэнства, а біскуп Бандурскі зрабіў прамову. Міністр унутраніх спраў Славой-Складкоўскі пазбавіў беластоцкага ваяводу сваёй пасады, а на ягонае месца паставіў Касцялкоўскага».

Ва ўрачыстасцях таксама бралі ўдзел праваслаўны епіскап з Гродна, дачка Рамуальда Траўгута, Янушкевіч, генерал Францішак Клеберг, прадстаўнікі сейма і ўрада, войска, павятовы стараста Еўстахевіч і іншыя. Кіраваў цырымоніяй школьны інспектар Хагель. Пасля заканчэння дзяржаўнага гімна, стужку, якая апаясвала помнік, перарэзаў генерал Фабрыцкі. Дырэктар настаўніцкай семінарыі Вайтулевіч ад імя камітэта зрабіў прамову і перадаў помнік грамадству. Слова прамовы праваслаўны святар Вернікоўскі. Пасля прамоў на рынку адбыўся вайсковы парад, а таксама шэсце грамадзянскіх і маладнякоўскіх суполак. Потым у памяшканні семінарыі ў трох вялікіх пакоях пачаўся банкет на 150 асоб. Такая ўрачыстасць вымагала многа старання. Харчаванне для банкета было дабыта намаганнем старасты ў навакольных маёнтках. Сервіроўку ствалоў забяспечыў граф Браніцкі з Росі. Харцэры неслі ля помніка ганаровую варту, а дзяўчынкі-семінарысткі, прыбраныя ў кракаўскія строі, абслугоўвалі банкет. Не бракавала і дробных недарэчнасцей, аднак не меўшых значнага ўплыву на ход урачыстасцяў. Успамінае аб тым адзін з былых семінарыстаў:

«Перад самым адкрыццём помніка пайшоў кароткатэрміновы, але моцны дождж. Крэслы і фатэлі, пастаўленыя вакол помніка, прамоклі. Пасушыць іх не было ўжо часу. Прыгатаваны для ваяводы фатэль, пастаўлены побач з фатэлем генерала Фабрыцкага, заняў пасол Палякевіч, а калі са спазненнем заявіўся ваявода, павінен быў шукаць іншае месца. Гэта выглядала цікава. Калі павінен быў пачацца банкет, людзі пацягнуліся ў семінарыю, але ўсіх жадаючых не прапускілі. З гэтага поваду многія абразіліся. А калі прыйшоў прафесар Каткевіч са сваёй групай, каб даць канцэрт, яго накіравалі ў бакавы зал. Тут артысты адспявалі некалькі нумароў, але калі выявілася, што захмялеўшыя госці іх не слухаюць, абражаныя артысты прыпынілі свой канцэрт».

Але хаця помнік і адкрылі, ён да канца не быў зроблены. Не хапала металічных дэталей: арла, партрэта Траўгута і надпісаў. Іх зрабілі пазней на прадпрыемстве Бялка. 9 кастрычніка 1928 г. камітэт па справе будаўніцтва помніка быў распушчаны. Застаўшыся грошы былі пушчаны на дабрачынныя справы.

Аб усіх дзеяннях, што тычацца ўзвядзення помніка Траўгута, даведаўся значна пазней. А тады, пад час урачыстасцяў, нагоўп гасцей быў такі вялікі, што я мала чаго бачыў дзіцячымі вачыма. Яшчэ памятаю, што начавалі мы тады ў яўрэйскай школе.

Тым часам я працягваў свае навучанне як мага найлепей. Як і раней, на тое, каб падрыхтавацца на заўтрашні дзень да навучання, мне хапала ўсяго паўгадзіны. Той вольны час, што заставаўся пасля школы, адбіралі кніжкі, якіх прачытваў вельмі многа. Калі перачытаў усе кнігі ў школьнай бібліятэцы, пачаў карыстацца гміннай бібліятэкай, якія ў той час як раз паўставалі пры гмінных урадах. Тады ў Шылавіцкай гміннай бібліятэцы налічвалася каля 200 тамоў, але кнігі падбіраліся вельмі с густам. Пераважна гэта была класічная польская і замежная літаратура.

Ядзюні ў той час было 6 гадоў і яна не мела сяброў для забаў. Мы с ёй лазілі па бездарожжы сярод напоўненых вадой кар’ераў. Ядзюня была вельмі мілым дзіцём і добра выхаванай. Сябе называла Уня, і так засталася назаўсёды. Калі зусім не было чаго рабіць, то граў у карты.

На месца Мышкоўскага прыбыў новы майстар, Юзеф Яблоньскі, стары чалавек пад 60 год, с барадой і сівымі валосамі. Выхаваны ў атмасферы віленскіх касцёлаў і панскіх выбрыкаў, распавядаў нам мноства анекдотаў і розных іншых гісторый, якія паходзілі з ваколіц Свянцян, Пастаў і Ашмян. На цагельні Яблонскі жыву ў асобным пакоі, насіў кашулю і пінжак неакрэсленага колеру. Раз у месяц да яго з Ваўкавыска прыязджала жонка, забірала ў яго для сцірання ўжываную бялізну, а таксама грошы. Напэўна, давала яму ў косці, бо пасля яезд’ездзі стары заставаўся маркотным. Час ад часу да яго на ўласным самаходзе прыязджала дачка з

унукамі. Мы з Яблоньскім гралі ў карты ў «шэсцьдзесят шэсць». Да ігры адносіўся з здзіцям запалам і тэмпераментам. Злаваўся і жартаваў. На грошы мы не гралі.

Свята Божага Нараджэння ў тым годзе праводзіў на цагельні. Добра памятую ёлку і гасцей: Вастравухаў з Бягеняў, панну Ягельніцкую, каменданта Слівінскага з Мсцібава з сям’ей, рэфэрэнта Навакоўскага з Ваўкавыска, брата цёткі Мані Вацлава Балтрукевіча, які потым працаваў кіроўнікам руху на чыгунцы ў Ваўкавыску, дзядзьку Яна з Шылавіч. Госці на цагельню наведваліся часта, бо тут заўжды добра паілі і кармілі і было весела. Цётка Ядзя належала да добрых танцорак, а шасьцігадовая Ядзюня не ўступала ей у гэтым. Я трымаўся далей ад гасцей, забаўляючыся ў суседнім пакоі. Дзесяцігадовая Ала Слівінская вымусіла мяне чырванець, калі я з ёй граў у карты з фліртам. Паслаў ёй пытанне:

- Якая гадзіна?
- Кахаю цябе. – атрымаў адказ.
- Заўтра паедзеш да дому? – адсылаю наступнае пытанне.
- Калі пацалуеш мяне?

У той год зіма дала сябе знаць некалькімі днямі моцных марозаў. У школе ў памяшканні Юруця было холадна, і настаўніца забрала вучняў у свой дом. Рассадзіўшы нас на падлозе, пачала урок чытання, калі па калейцы чыталі з кнігі нейкі расказ. Мае слабыя вочы, следства хваробы на скарлаціну, раптам перасталі разлічаць літары. Я ж не насіў акулераў, стараючыся выглядзець нармальным хлопцам. Мае калегі заўважылі маю разгубленасць, і на іх тварах з’явіліся ўсмішкі. Гэта мне было вельмі балюча.

Вясна ў гэтым годзе прыйшла адразу ў адзін дзень. Вада запоўніла ўсе ямы і ажывіла прыроду вясёлымі струменямі. Таемна вывалак з дому балею і з дапамогай шаста пачаў плаваць, хутка дасцігшы ў гэтай справе добрых вынікаў. Прапанаваў паплаваць і вяртаючамуся са школы калегу Чэславу Яновічу, празваным намі Янкелем. Янкель ахвотна залез у балею, але, праплыўшы некалькі метраў, страціў раўнавагу і паляцеў у ваду. Трэба было тэрмінова сушыцца, але я не хацеў вясці яго да сябе, бо тады раскрылася б мае «плаванне» і мне б дасталася.

– Бяжы ў Селяхі, бо як забачаць, будзе вельмі плоха! – Янкель спрытна пабег у сваю вёску дамоў, і гэта ўратавала яго ад хваробы.

Тым часам прырода ажывала. Невялічкая рачушка Альшанка перапоўнілася вадой і пагражала затапленнем. На мяне і маіх сяброў надыйшло натхненне падарожнічаць па вадзе. Альшанка ўпадала ў Наўмку, тая ў Рось, Рось у Нёман, а Нёман у мора. Мы вырашылі пабудаваць лодку і паплыць па вялікай вадзе. «Шова», «Янкель» і я тут жа ўзяліся за справу, пачаўшы з таго, што вырвалі з сарая велькую дошку. На гэтым усе і скончылася, бо ніхто з нас не умеў майстраваць лодак.

Надышоў май, а разам з ім майскія набажэнствы ў касцёле. У Бердзікі з касцёла вярталіся ў цемнаце. Хтосьці падаў думку ў наступны раз запаліць паходню. Для гэтага прыгатавалі салому і трохі смалы, схаваўшы ўсё гэта пад мастком. Паходня атрымалася добрая і гарэла моцна. Але хто з такім цудам пойдзе дахаты? І мы пачалі бегаць з агнём па полі. Бегаючыя агні заўважылі ў Шылавічах, і з вёскі да нас вырушыла аблава. Мы ж, аслепленыя агнём, не заўважылі небяспечнасці.

– Стой! – раптам над маім вухам пачуўся знаёмы голас. У імгненне паходні апынуліся на зямлі, а мы разбегліся хто куды. Я застаўся адзін сярод дагараючых агнёў. Перада мной стаяла настаўніца.

У гэтым годзе навучыўся ездзіць на ровары. Спачатку не атрымлівалася, але калі я прыкаціў ровар на горку, то ён панёс мяне з гары, як шалёны.

У канцы вясны ў школе заняліся прыгатаваннем на экскурсію ў Познань на выстаўку. У Познань разам з настаўніцамі Эміліяй і Каралінай Сарасекамі паехалі вучні: Станіслаў Далідоўскі, Незабітоўскі, Оттан Рунге, Казімір Боўжык, Чэслаў Яновіч, Вітальд Карпыза, Казёл, Казімір Вінцэвіч і Сайко. Наш строй складаўся з гумовых туфляў, чорных наскоў, чорных кароткіх штаноў і блуз з белым каўнерам. На галаве былі гранатовыя рагатыўкі. 15

кіламетраў, што аддзялялі Шылавічы ад чыгуначнай станцыі ў Ваўкавыску, мы прайшлі пешшу. Перад Ваўкавыскам у Альшымаве затрымаліся ў Сарасекаў, якія пачаставалі нас малаком. Пару гадзін, што заставаліся да цягніка, выкарысталі на фотаздымкі Ваўкавыска.

Цягнік адправіўся ўначы. Здабыўшы месца ў вагоне пры вакне, я пачаў занатоўваць названні мінаемых станцый і за гэтай справай заснуў. Прачнуўся ўжо ў Варшаве. Прыпыніліся ў пачатковай школе на Вільдзе. Выставу аглядалі праз прызму дзіцячых зацікаўленасцяў, якая ў нашым разуменні Польшчы і цэлага сусвета зрабіла значнае адкрыццё.

Частку канікул правёў на цагельні, якая пачала працаваць з меншымі абаротамі. Калі некалі на плац прызджала сялянская фурманка і ашчадны беларус купляў пару сотак цэглы або дахоўкі. Амаль што кожны ранак я разам з цёцяй ехаў у Германаўшчызну. Фальварак складаўся з вялікай стадолы, хлява, аборы і стаячага трошкі далей барака. У фальварку яшчэ стаяла несамавітая хатка, у якой жыў стары слуга Ельскіх і які, атрымаўшы ад іх кавалак зямлі, працаваў на ёй. У бараку знаходзіліся два службовых памяшканні, адно з якіх мела драўляную падлогу. Тут захоўваліся розныя паклажы з малаком і смятанай. Бабця ў бойцы збівала масла, а мы з Уняй цярпліва чакалі, бо бабця Гелена мала звычай частаваць нас. Адрэзаўшы кавалак свежага жытняга хлеба і груба намазаўшы яго маслам, давала нам пачастунак у рукі, пры гэтым мовячы:

– Ідзіце! Пабегайце сабе!

Лес быў побач і мы шлі па суніцы.

Пэўнага дня Уня забралася на стаячую пад сцяной дубовую лаву:

– Віця! Здымі мяне! – папрасіла яна.

Падыйшоў. Уня моцна абхапіла мяне за шыю і знянацку пацягнула за сабой лаву, якая ўпала мне на стапу. Хрупкія костачкі стапы раздрабіліся. Лекара не было. Самі замацавалі нагу ў нерухомае палажэнне, і хутка ўсё зраслося. Такім чынам мусіў яшчэ пару тыгодняў заставацца ў Бердзіках.

У Занцавічах вялікіх перамен не застаў. Мама працягвала абшываць сялянскіх дзяўчат і адначасова займалася гаспадаркай. Солтысам абралі Філіпа Болдака. У Курапатах адчынілася чатыр охгадовая школа, у якой настаўнічала Гелена Уладзіславіч. Маладая настаўніца родам з пад Карпат мне падабалася. Нельга сказаць, што ў яе быў лёгкі хлеб. Акалічная люднасць трывавала школу як неабходнае зло, спасылаючыся на сваіх дзядоў, якія таксама ў школу ніколі не хадзілі. Настаўніца займалася навуковай працай. Некалькі гадоў пазней, калі праглядваў касцёльны архіў у Вярэйках, знайшоў рукапіс, апраўлены ў цвёрды пераплёт. Рукапіс належаў настаўніцы Уладзіславіч і занатоўваў мясцовыя паданні і байкі. Нашыя мясціны для навукоўцаў і даследчыкаў былі надзвычай багатымі. Калісьці ў сваім агародзе я знайшоў грош з часоў Княства Варшаўскага, а Юзік Станкевіч з Курапат прынёс мне некалькі гліняных гаршкоў з арнамантам, якія выкапаў у Дуброве.

Цэлыя дні праводзіў у садзе, лазячы па дрэвах і шукаючы сазрэўшыя яблыкі. Тут рос і пышны ясець, сведка маіх дзіцячых закаханняў. Ножычкам-складанчыкам, падараваным мне Радзевічам, які залятаў да цёткі Марыі, на ствале ясець выразаў сэрца, прабітае стралой. Гэтае дрэва расло яшчэ ў 1973 г.

Многа чытаў. Кнігі прыносіў з гміннай бібліятэкі ў Вярэйках. Тым летам захапіўся кнігамі французскага пісьменніка Віктара Гюго, нават занатоўваў спадабаўшыся мне разважання герояў.

Працяг будзе

Волковыск межвоенный

Николай Быховец

Промышленность и ремесло

Волковысский повет считался одним из беднейших регионов Польши. Типичный сельскохозяйственный район, доставшийся Польше в наследство от царской России, к тому же в большой степени был дважды razорен прокатившимися через него войнами: Первой мировой 1914-1918 г.г. и польско-большевистской 1919-1921 г.г.

В межвоенный период большого подъема в развитии промышленности в повеле не произошло. С трудом удалось лишь отстроить разрушенное войнами хозяйство. Для строительства новых промышленных объектов требовались инвестиции. Бедные природные ресурсы, отсутствие на местечного сырья для переработки, близость границы с Советским Союзом и нестабильная политическая обстановка – все это не привлекало потенциальных инвесторов вкладывать в регион свои деньги. И это несмотря на то, что рабочие получали здесь в полтора-два раза меньшую заработную плату, чем в центральной Польше. К тому же застой в развитии промышленности усугублялся спадом цен на сельскохозяйственные продукты. Поэтому для многих рабочих и крестьян выходом из создавшейся ситуации был поиск работы за рубежом, наем в батраки, работа на лесозаготовках, сезонная работа.

В первые три послевоенных года (1921-1923) Волковыск, как вся Польша и остальная Европа, оказался в тяжелейшем экономическом положении. В этот период предприятия города уменьшили свое производство, а многие вообще прекратили свое существование. Небольшой объем продукции выдавали лишь кирпичный, черепичный да литейно-механический заводы. Однако в 1924 г. экономический кризис пошел на убыль и начался промышленный подъем. Определенное представление об экономике Волковиска того времени дает пример развития электроэнергетики.

Первым снабдили город электричеством немцы во время оккупации в 1916 г. Старую паровую машину мощностью в 75 лошадиных сил установили во временном деревянном бараче, проложив на главные улицы города электрический кабель. После чего спроектировали строительство каменного здания электростанции, но успели возвести стены лишь на два метра. После ухода немцев магистрат закончил строительство, установив там прежнюю машину. В таком состоянии электростанция функционировала до 1924 г., давая электроэнергию для освещения центральных улиц города от начала темноты до 12 часов ночи.

(Электростанция располагалась между улицей Широкой и рекой Волковья в районе современного предприятия электрических сетей. От улицы Татарской, пересекая улицу Широкую, и дальше, до реки Волковья, пролегла небольшая улица Электричная, получившая свое название от электростанции. – Н. Б.)

Возрастающие потребности города заставили магистрат в 1924 г. приобрести новый дизель-генератор мощностью в 90 лошадиных сил. Когда в электроэнергетики стали нуждаться электродвигатели городских промышленных организаций, то в 1925 г. был установлен еще один дизель-генератор в 200 лошадиных сил. На электроэнергетики были построены новая мельница, заводик по изготовлению растительного масла и ткацкая фабрика. Начиная с 1927 г., электростанция работает круглосуточно. 10 апреля 1927 г. магистрат в очередной

раз закупает новый двигатель в 300 лошадиных сил, одновременно проводится новая электросеть. Всего с 1924 г. проведено 1500 метров кабеля. Для освещения улиц установлено 120 ламп.

Если в 1919 г. было выработано 20 тысяч кВт/часов, то в 1924 г. – 99,7 тысяч, в 1925 г. – 119,5 тысяч, 1926 г. – 150 тысяч, 1927 г. – 240 тысяч [1].

В 1930 г. начальником электростанции был Т. Шарейко.

Доставка дизельного топлива для «электровни» сопровождалось большими неудобствами. Солярка прибывала по железной дороге в цистернах. Ее перекачивали в бочки и на лошадях отвозили на электростанцию.

Стоимость 1-го кВт/час электроэнергии в ноябре 1935 г. в Волковыске равнялась 85 грошей. На то время это очень высокая цена. Конечно, расход электроэнергии в частных домах жителей города был относительно небольшим, так как потребляли энергию только осветлявшие комнаты маломощные электрические лампочки. В то же время цена электроэнергии отличалась в разных городах и местечках. Самая дорогая стоимость электроэнергии за 1935 г. в Белостокском воеводстве была в Сокулке, Свислочи и Браньске – 100 грошей за киловатт. Самой дешевой – 61 грош, в Августове [2].

Плата за электроэнергию поступала в магистрат, являясь значительной частью пополнения городского бюджета. Надо отметить, что к 1928 г. на Центральной железнодорожной станции, недалеко от депо, выдавала энергию еще одна паровая электростанция, от которой электричество подавалось на построенный к этому времени экспортный мясокомбинат.

Ускоренный промышленный подъем в стране начался во второй половине 1926 г., совпав по времени с приходом к власти Юзефа Пилсудского. Согласно статистических данных поветового отдела на 1-е января 1928 г., в Волковыском повете имелись следующие предприятия: цементный завод – 1, паровых мельниц – 28, водяных мельниц – 45, ветряных мельниц – 36, спиртзаводов – 20, крахмальных – 4, кирпичных заводов – 20, черепичных заводов – 10, лесопилок – 7, заводов по выделке шерсти – 2, заводов по производству смолы и скипидара – 6, красильных заводов – 3, аптек – 10, аптечных складов – 12, кузниц – 50, слесарно-механических мастерских – 3.

В этом же 1928 г. произошло важное событие для Волковыска и повета – была введена в эксплуатацию «жезня экспортова» – мясокомбинат, работающий на экспорт. Строительство продолжалось два года под кредит Министерства сельского хозяйства в сумме 705 тысяч злотых и на деньги 217 акционеров, внесших почти 50 тысяч злотых. Место под цеха было выделено магистратом на окраине города возле железнодорожной линии Волковыск-Лида на берегу реки Волковья. Сейчас это место между улицей Интернациональной и рекой Волковья. Мясокомбинат построили по новейшей технологии того времени. Цеха комбината перерабатывали в год до 20 тысяч голов не рогатого скота, 15 тысяч рогатого и 6 тысяч телят. Это число могло быть удвоено при работе в две смены. Таких мясокомбинатов в то время во всей Польше было всего четыре. Комбинат производил различные колбасные изделия, копчености и перерабатывал побочные животные продукты. Сырье для переработки завозилось как с Белостокского воеводства, так и из соседних воеводств. Продукция мясокомбината развозилась по Польше и в другие страны – Австрию, Францию, Англию и страны, с которыми Польша имела торговые отношения. Директором мясокомбината стал Чеслав Павенцки, по профессии ветеринар, проживающий с семьей по улице Брестской, 33. Прославился он еще и тем, что был первым бургомистром Волковыска в послевоенные годы [3].

«В некоторые дни к мясокомбинату выстраивались длинные очереди из крестьянских повозок, – рассказывает Ян Былинский, – на которых лежали разных пород и возрастов свиньи. Вдоль очереди проходил предприниматель-немец и вместе с ветврачом выбирал подходящих животных. По договору с мясокомбинатом немецкая сторона закупала у населения сырье и тут же перерабатывала, увозя готовую продукцию к себе в Германию.

Платил немец за живой вес более высокую цену, чем мясокомбинат, и потому от предложений не было отбоя. Свиньи отбирались беконной породы. Жирных кабанчиков забраковывал. Тогда свиньи часто болели крупчаткой. Ветеринар открывал свиные рот и осматривал язык, на котором при заболевании выскакивали крупные прыщи. Хотя болезнь не передавалась человеку, но заболевшие свиньи отбраковывались. Покупал свиней небольшие определенного веса. Хозяин упрасивал немца:

- Пане! Купуй!

- Найн! Очень большой!» [4].

В апреле 1933 г., как сообщает газета «Тыгодник Волковысский», была попытка наладить торговлю с Советами. Выслали туда пробную партию товара – вагон свиных туш и по вагону сала с мясом. К сожалению, неизвестно, что из этого вышло [5].

Одновременно в Волковыске продолжал работать и городской мясокомбинат. В 1930 г. им заведовал Ф. Друклаский (сейчас на этом месте дом по ул. Калинина, 11).

Однако промышленный подъем вскоре опять сменился новым мировым экономическим кризисом 1929-1933 г.г. Вновь остановились многие предприятия. В 1931 г. вынужден был закрыться даже цементный завод в Красном Селе, где работало 250 человек. К лету 1932 г. остановили работу и два кирпичных завода, черепичный, изразцовый, две лесопилки. Особенно пострадало сельское хозяйство, где в связи с кризисом упали цены на сельхозпродукцию. Например, в 1927 г. цена железного плуга для пропашки земли была равноценна стоимости 100 килограмм ржи. Во время кризиса за плуг надо было уже отдать в два с половиною раза больше зерна. Пара обуви стала стоить от 99 до 184 злотых (обувь высшего качества), хорошее пальто – 36 злотых, один метр белой ткани – 50 грошей, один килограмм соли – 55 грошей, один килограмм сахара – 1 злотый, один литр керосина – 37 грошей. В то же время за один килограмм живого веса свинины крестьянин получал 60-80 грошей, что за кабанчика весом 100 кг составляло 60-80 злотых.

Спустя 10 лет цены на некоторые товары были следующие. Один килограмм продуктов стоил: хлеб высшего качества – 20 грошей, свиной жир – 1,9 злотых, масло сливочное – 3 злотых, картофель – 3 гроша, ячменная крупа – 25 грошей, сахар – 1 злотый. Куриное яйцо стоило 5 грошей. Кожаные рабочие сапоги с голенищами стоили 18 злотых, резиновые туфли – 2,5 злотых. Мужской костюм среднего качества – 40 злотых. Одна пачка табака весом 50 г – 1,8 злотых. Один литр водки крепостью 55 градусов – 5 злотых. Велосипед – 120 злотых. Ручные часы – 25 злотых.

Падение производства вызвало массовое увеличение безработных. Так на 1931 г. в Волковыске официально зарегистрировалось 866 безработных, что составило 35 % от всех рабочих, т.е. каждый третий рабочий остался без работы. Безработные и их семьи не остались один на один со своими проблемами. В поддержку таких семей развернулась широкая компания, о чем можно судить, просматривая газету «Тыгодник Волковысский»:

«В августе 1931 г. в Варшаве и по всем воеводствам организовались комитеты по делам безработных. 2 сентября 1931 г. такой комитет появился в Волковыске. В его вошли представители всех организаций и общественных групп. С этого дня комитет начал свою деятельность по сбору средств для помощи безработным. Выделено пять секций: финансовая, сбора пожертвований в натуре, труда, питания детей, сбора одежды. Возглавил комитет сам староста А. Качмарчик. Комитет немедленно приступил к сбору картофеля, зерна, муки, дров, угля. Финансовая секция для сбора денежных средств распространяет специальные марки, наклейки, жетоны. В помощь безработным поступают товары, конфискованные таможей» [6].

Комитет создал свои отделы в Росси, Свислочи и Зельвянах. Он же подсчитал число безработных семей: в Волковыске – 313, Росси – 90, Свислочи – 51, Зельвянах – 31. Всего – 485. Пособие безработным постановили выдавать после отработки на общественных работах. Размер пособия – 9 злотых на неделю, причем половина выплачивалась деньгами, а вторая половина – продуктами. Требовалось отработать три дня в неделю с оплатой по 3

злотых за каждый день.

В Росси, Свислочи и Зельвянах из-за нехватки средств пособие выдавали только продуктами и без отработки. Ежемесячная норма на одну семью составляла, например, по картофелю – 50 кг на взрослого и 25 кг на ребенка.

Кроме того, в Волковыске были организованы два бесплатных пункта питания для детей и еще один на цемзаводе. Питание организовал Союз женщин под руководством Анны Мордасевич. Выдавалось 218 порций молока со стограммовой булочкой и 156 порций супа со 150 г хлеба. На цементном заводе выдачей бесплатного питания руководила жена директора завода К. Грабовская.

Комитет выдавал натуральную помощь организациям, осуществляющим питание детей: родительским комитетам начальных школ, организации опеки над еврейскими детьми, сиротскому еврейскому детскому дому. К акции помощи безработным подключились Союз врачей и дантисты, оказывая им бесплатные медицинские услуги. Выдавались бесплатные лекарства. В случае серьезного заболевания больных отправляли в Белосток за счет средств комитета по безработице. С целью пополнить фонд помощи безработным городская рада постановила взимать с мясокомбината за убой скота налог – от коровы и быка 1 злотый и 50 a?î o aé î o nâeî üe [7].

«Ou aî aî ee Âî eëî âu nneeé» +anof î ai î i eí aë nâî ei +eoaœæyi î î î î u e áaç? aâî oí u i , î ó áëeeóy í a nâî eo no? aî eöao î á? au aî ea, í aá? aî î í a e? ói î u i o ? eðoî i : «l î i e î áaç? aâî oí u o, oae eae nai î í a ao ü î eaçaoüny â eo ?yâao!» [8].

Но помощь не могла охватить всех, и тогда по деревням часто можно было видеть просящих милостыню людей. Об том времени в своей книге вспоминает бывший житель деревни Хрустово, расположенной в пяти километрах от Порозова, Казимир Новик:

«Вопреки доминирующему сейчас мнению жизнь в межвоенной Польше не у всех была легкая и приятная. Помню путешествующих по деревням безработных. В нашу деревню они приходили, чуть ли не каждый день. Сначала заходили к солтысу с просьбой о ночлеге, и он по очереди назначал хозяина, обязывая его принять безработного на ночлег. В обязанности хозяина дома также входило накормить постояльца ужином с завтраком и дать еды с собой на дорогу. Так безработные путешествовали от деревни к деревне, спасаясь от голодной смерти. Среди таких безработных были люди разных профессий, вплоть до потерявших работу чиновников и учителей. Некоторые из них путешествовали вместе с детьми. В Волковыском повете с работой дело обстояло плохо. В деревне также появилась скрытая безработица, причиной чего явился значительный прирост населения при одновременном раздроблении крестьянских хозяйств» [9, с.68-69].

Однако не надо и сгущать краски. Все познается в сравнении. Во время промышленного застоя в Польше от голода не умирали. В это время в Восточной Беларуси происходила коллективизация, и там голодала большая часть населения. Хлеб выдавали по карточкам. В соседней советской Украине от голода умерли миллионы людей. Вообще, с 1928 по 1934 г.г. в «стране трудящихся» действовала карточная система, обеспечивающая только минимальный жизненный уровень. Свободно купить промышленные товары было невозможно. В 1932 г. там был принят печально известный закон об пяти колосках, который разрешал расстреливать или бросать голодных крестьян на 10 лет в тюрьму, когда они крали у колхоза или подбирали оставшиеся после уборки колоски на колхозных полях. Тогда же в СССР ввелась паспортная система с пропиской по месту жительства. Крестьянам паспорта не выдавались, и потому не один крестьянин под угрозой тюрьмы не мог покинуть место своего жительства. В это же время в Польше любой человек в поисках заработка и лучшей жизни мог свободно выехать во многие страны мира.

Представление о состоянии промышленности того времени дает передвижная выставка отечественной промышленности, проходящая в Волковыске с 27 ноября по 4 декабря 1932 г. Из газетной публикации:

«Выставка разместилась в двух этажах клуба государственных служащих по ул.

Регулировка русла реки Волковья. Фото 1934 г.

Костюшки, 47, а также в залах магистрата. На выставке представили продукцию 30 фирм с Волковьска и повета. Всего посетило выставку 2500 человек – по 300 человек в день. Больше всего раскупились керамические изделия. В конце выставки диплом «Признание» получили кружок железнодорожников любителей пчеловодства за развитие пчеловодства в Волковьске и экспортный мясокомбинат Волковьска.

Похвальные грамоты получили:

1. Завод Бараша (литейно-механический завод) за добротность изделий. Достоин рекомендации покупателям.

2. Слесарно-механическое предприятие Л. Переминьского в Волковьске за доброкачественные изделия. Достоин рекомендации покупателям.

3. Правление усадьбы Струбница, изготавливающее конфеты. Продукция достойна рекомендации покупателям» [10].

В феврале 1933 г. Министерство сельского хозяйства с целью борьбы с безработицей выделило Волковьску кредит в сумме 28 тысяч злотых на работы, связанные с приведением в порядок и регулировки русла реки Волковья. Не имеющая высоких и укрепленных берегов, спокойная и неглубокая река во время весеннего паводка выходила из берегов, затапливая окрестности вместе с огородами и строениями. Работы производились от места впадения в реку Россь и до конца города, т.е. на протяжении 4,6 км. В работах задействовали от 100 до 150 человек. Русло углублялось до 1,8 метров при ширине 2,2 метра. Берега укреплялись дерном. Для уменьшения спада воды и скорости течения оборудовано 18 бетонных порогов. По ул. Колеевой был возведен новый мост. В результате проведенных работ во многих местах пропало болото [11].

Кроме того, спрямили русло реки. В некоторых местах Волковья петляла. Так, в самом центре города на участке от современной гостиницы «Березка» до музея река делала несколько изгибов. С другой стороны, после регуляции реки в близлежащих колодцах пропала вода, и людям пришлось углублять их.

Во время земляных работ летом 1933 г. вблизи мясокомбината на глубине 1,5 метров

рабочие наткнулись на окаменевшие лосиные рога, пролежавшие в земле около тысячи лет. находка еще раз подтвердила тот факт, что на месте современного города росла пуща – место обитания крупного зверя [12].

В апреле 1934 г. лопата землекопа выбросила наверх клад. Из истлевшего кожаного мешочка, лежавшего в пиняном горшке, в болото рассыпались монеты. Набежавшая детвора бросилась вытаскивать их из грязи. Искали два дня. По рассказам стало известно, что в кладе было около 500 монет. Из них всего 30 попало в староство. Это полгроша литовские Александра и Жигимонта Старого с датами 1505, 1510, 1514, литовские динары, несколько прусских трояков. Монеты лежали на глубине 1,5 метра. На этом месте выкопали клык дикого кабана, неопознанные кости других зверей и осколок изразцов. На такой же глубине откопали пень от дерева, свидетельствующий о том, что пятьсот лет назад там находилась поверхность земли. 7-го мая вблизи того места выкопали еще рога тура или зубра [13].

Кризис в промышленности больно бил и по предпринимателям-торговцам, так как покупательская способность населения упала. Начиная с 1932 г., в газете все чаще и чаще публикуются объявления о публичной распродаже разорившихся фирм:

«Согласно распоряжению Совета Министров от 1932 г., финансовое ведомство Волковыска публично сообщает, что 4 мая 1933 г. в 10 часов в складе финансового управления по ул. Костюшки произойдет публичная распродажа конфискованных вещей на покрытие, как финансовых задолженностей, так и других:

Хаим Брэнэр: остатки сукна для одежды и пальто разных цветов;

Сымон Мушацкий: дамские пальто с меховыми воротниками – 5 штук; пальто осенние дамские – 5 штук. И другое;

Хайта Шмуэл – два легковых автомобиля марки «Шевроле»;

Барэль Добровольский – автобус марки «Шевроле»;

Шлома Троянский – автомобиль грузовой марки «Шевроле»;

Лейба Эдэльштейн – автомобиль грузовой марки «Шевроле» [5].

На август 1933 г. в Волковысском повете действовали 11 ремесленных цехов, из них – 4 христианских. Старшин цехов ремесленники выбирали сами на общем собрании и при тайном голосовании. Старшиной цеха по пошиву одежды в Волковыске был Антон Лопко, металлического цеха – Станислав Езерский, строительного – Петр Дружина [11].

Рассказывает житель деревни Ятвезь Иосиф Петрович Пивоварчик:

«Состоявшие в цехе портные ежемесячно платили 50 грошей взносы. Благодаря этому наших детей профсоюз портных лечил бесплатно. Швейную машинку «Зингер» я приобрел в 1928 г. за 400 злотых. Если человек желал купить ее в рассрочку на два года, то стоила она уже 600 злотых. Очень дорогая машина, но зато качественная. Прошло 75 лет, а до сих пор в исправном состоянии. Шил на дому. Налогов не платил. Ко мне шить приходили не только со своей деревни Ятвезь, но и с Волковыска. Тогда большинство портных были евреи, поэтому христиане старались шить у своих. Евреи, чтобы набрать больше клиентов сбавляли цену, но люди все равно шли ко мне, так как среди евреев было много неквалифицированных портных и работу делали худшего качества. На весь Волковыск своей работой славился один еврей Сулкович Б. Каждый год Сулкович ездил в Варшаву на курсы повышения квалификации. Жил по ул. Широкой возле современных электросетей и обшивал по последней моде богатых клиентов» [14].

Портные в Волковыске являлись самой распространенной профессией. Хотя в городе имелись магазины готовой одежды, но большинство жителей все же стремились шить на заказ, так как это было дешевле и удобней. В 1930 г. в городе насчитывалось 40 портных, в том числе 12 дамских:

Из рекламы в газете за 1933 г.:

«Известная портняжная фирма Ш.Полонского по ул. Широкой ждет посетителей» [15].

А вот список из 40 волковысских портных, обшивавших население в 1928 г.:

По улице Широкой: Р. Балез, Ш. Бикивицкий, А. Бинкович, И. Косс, А. Лев, Р. Львович, Меншацкий, З. Новиковский, Ш. Полонский, Б. Сулкович (мужские портные). А. Каганович, З. Мопсик, Ф. Вайнберг (дамские портные).

По улице Колеевой: Д. Бекенштейн, Б. Борор, И. Бройда, Ш. Хазан, В. Маршенюк, Д. Штейман (муж. портные). С. Хазан, А. Школьник (дамские).

По улице Костюшки: Л. Бекенштейн, М. Бородзицкий, А. Голдин, А. Гродзеньчик, М. Мурштейн, В. Заенц (мужские портные). Б. Квинтовская, Ф. Лисицкая, Х. Подолинская (дамские портные).

По улице Шосовой: Б. Бонжик.

По улице Рынковой: С. Фрейс, Р. Велин (мужские портные). Б. Залицкая (дамский портной).

По улице Замковой: М. Липяк, Г. Михальчя.

По улице 3-го Мая: М. Щупак.

По улице Гродненской: Э. Чапкин, М. Фуксман (дамские портные).

По улице Холодовской: Р. Лазаровская (дамский портной).

Таким же многочисленным цехом являлись сапожники, которых в том же году насчитывалось 22 человека:

По улице Новой: М. Айзенберг, Ш. Крапивко.

По улице Широкой: И. Берестовицкий, Х. Лев, Х. Пресс, Х. Рабиц, Я. Росяньский, Э. Ружанский, А. Ващилко, М. Виноград, М. Злотницкая.

По улице Рынковой: К. Голацкий.

По улице Татарской: А. Яловский, Я. Шифрон.

По улице Колеевой: Ш. Каплан, Лихтэр, А. Лопко, А. Росяньский, Ш. Сулкес, М. Вилк, Б. Забилевич.

По улице Костюшки: Х. Гиварцбух [16].

В отличие от сапожников, работавших индивидуально, слесаря объединялись в мастерские. Из рекламы в газете за 1927 г.: «Имею честь сообщить уважаемой общественности, что после многолетней практики в механических мастерских открываю в Волковыске по ул. Широкой, 65 (рядом с кинотеатром «Полония») Варшавское механическое отделение. В нем будут ремонтироваться под гарантию швейные машины, пишущие машинки, а также велосипеды, центрифуги, граммофоны, примусы и др.» [17].

В 1928 г. в городе по улице Широкой размещались все три слесарные мастерские: Л. Хононовича, А. Эпштейна, М. Коса. Кроме того, 4 слесаря и 2 жестянщика работали единолично: Я. Косс (ул. Широкая), И. Рубинштейн (ул. Костюшки), А. Щигель (ул. Рынковая), Ш. Шифрон (ул. Гродненская).

Оживление промышленной деятельности начало наблюдаться с началом 1935 г. Возобновили свою работу кирпичные и черепично-изразцовые предприятия, лесопилки. С 1936 г. вновь начинает выдавать продукцию цементный завод.

В 1930-е годы в повете находилось 17 кирпичных заводов, из них в Волковыске – шесть. Два кирпичных завода находились в районе Шведской горы, хозяева которых евреи Минц и Шлозберг конкурировали между собой. Глина из близких карьеров доставалась только в сезон, поэтому создавались необходимые запасы для непрерывной годичной работы. Причем, в производство шла глина, пролежавшая на воздухе не менее года. Все меловые вкрапления из нее извлекались. В результате соблюдения такой технологии кирпич получался отменного качества. По специально проложенной узкоколейке готовый кирпич вагонетками спускался с горы и под железнодорожным мостом у еврейского кладбища вдоль железной дороги, мимо складов с зерном, ближе к переезду по Замостянской улице его доставляли для погрузки в вагоны.

Кирпично-черепично-изразцовый завод по ул. Гродненской, 46 держал еврей Мовша Чапкин. Конкурировали с ним партнеры С. Лев и Б. Кушнер, выпускающие замечательные изразцы в кирпичном цеху по ул. Брестской (здание старого цеха из красного кирпича)

простояло до 2004 года. – Н. Б.).

По адресу улица Жвирки и Вигуры, 13 находился кирпичный завод еврея Минца. По улице Магистратской работал кирпично-черепичный заводик Фейга Михельсона. Кроме того, в городе имелся кафельный завод Якова Ботвинского.

В Волковыске работали два лесопильных завода под управлением евреев Меера Селецкого и Шапиро.

По улице Заходней (район теперешней станции техобслуживания автомобилей по ул. Космодемьянской) еврей З. Шалута держал небольшой мыловаренный заводик. Сырьем для изготовления хозяйственного мыла являлся говяжий жир. На 1928 г. имелась еще одна мыловарня Я. Фридмана по улице Костюшки.

Табачная фабрика еврея Янковского по улице Фабричной скупала у плантаторов табак, перерабатывала и расфасовывала готовый к употреблению товар в небольшие стандартные бумажные пачки.

Табачный бизнес в Волковыском повете оказался полностью в руках евреев, которые имели патент на выращивание табака. На данный факт указывает распоряжения от 28 ноября 1927 г. главного полицейского управления Гродно, данного Волковысскому коменданту полиции. Ссылаясь на артикул 21 соответствующего закона 1922 г. о монополии Гродненской табачной фабрики, подается список плантаторов табака, которые должны 20 декабря поставить табак в Волковыск для выкупа фабрикой. Конечно, это не означает, что сами «плантаторы» выращивали табак. Они лишь порекомендовали выращивание табака тем, кто работал в сельском хозяйстве. Вот список волковысских «плантаторов»: Шипецкая Сара – улица Костюшки, 77а; Мунх Абрам-Арон – Костюшки, 82а; Кобрыньская Мнуха – Гродненская, 32; Елин Фейга – Костюшки, 124; Чопер Хая – Свислочская, 20; Виланьская Перла – Гродненская, 21а; Кобрыньский Мовша – Шпитальная, 10; Заенц Вольф – Костюшки, 27; Минц Лейба – Замковая, 18; Питацкая Сара – Колеевая, 44; Брудно Янкель – Широкая, 118; Ванд Малка – Костюшки, 137 [18, с. 73].

В 1928 г. в Волковыске насчитывалось 9 мельниц. Три из них находились по улице Костюшки: электрическая мельница А. Амстибовского и водяные П. Салмана и Л. Шалуты. Три мельницы находились по улице Замковой: две электрические Ш. Хируга и Л. Минца, а также водяная Коллонтая. Водяная мельница В. Радомской стояла на Карчизне. Водяная мельница М. Шипяцкого и ветряная Ш. Бараша находились по улице Шосовой. Позже к ним прибавились две паровые мельницы, которые совместно держали Арон и Абрам Шапиро, а также Меер и Давид Вердомицкие [19, с. 16, 56-64].

Находила своих клиентов и продукция, выпускаемая обойной мастерской. Имелась мастерская по изготовлению и ремонту седел для коней. На 1928 г. изготовлением седел для лошадей занимались Л. Новиковский – по улице Холодовской, и А. Урыновский – по улице Костюшки.

В Волковыске действовали мастерская по ремонту и настройке музыкальных инструментов, а также котельная мастерская С. Езерского по улице Колеевой.

Клиентам были рады и мастерские, где переплетали старые книги и газетные подшивки. Из газетной рекламы за 1933 г.: «Переплетчик Х. Езерский по ул. Элетричной, 14 принимает все работы по переплетному делу. Отличная работа при низких ценах». Кроме него, переплетным делом по улице Широкой занимался Ш. Травиньский.

О степени зажиточности граждан Волковыска того времени можно судить исходя из количества часовых мастерских, ведь ручные или карманные часы стоили тогда довольно дорого. В 1928 г. их насчитывалось целых шесть, пять из которых находились на улице Широкой: М. Гинзбурга, М. Писецкого, Р. Писецкого, Л. Щупака, М. Шыфа. По улице Костюшки часы ремонтировал некто Салман.

По улице Широкой частник М. Шарейко изготавливал дрожжи.

В 1928 г. по улице Костюшки действовала пробочная фабрика М. Шейна.

В 1928 г. три предпринимателя занимались выделкой кож: В. Блох – улица Брестская;

Я. Морочник и А. Маркус – улица Широкая.

В этом же году по улице Костюшки изготовлением глиняной посуды занималось два предпринимателя: Я. Гарбарский и Б. Гарбарский.

Столярные предприятия держали: по улице Шпитальной – Б. Нишевицкий и по улице Костюшки – Р. Пацовский. Фабрика М. Поляка по производству щеток находилась по улице Широкой. Здесь же находилась фабрика А. Хагановича по производству весов.

В разных местах города располагалось несколько частных кузниц, которые ремонтировали телеги, различные замки, изготавливали скобы для строительства, обручи для бочек, рессоры, ковали коней. На 1928 г. насчитывалось 7 кузниц: М. Дубицкого и А. Крума – по улице Гродненской; В. Эпштейна – по Костюшки; Лapidуса – по Широкой; Ш. Левина – по Татарской. Одна из таких кузниц католика Павла Зайко находилась в оживленном месте на перекрестке дорог на Изабелин и Свислочь – на углу улиц Колеевой и Замостянской во дворе своего дома.

Источники и литература:

1. Tygodnik Wołkowyski. 1927. № 5.
2. Sprawozdanie wojewody Białostockiego. Białystok. 1935.
3. Tygodnik Wołkowyski. 1928. № 51.
4. Былинский Ян Карлович. Воспоминания, записанные автором. 2002 г.
5. Tygodnik Wołkowyski. 1933. № 15.
6. Tygodnik Wołkowyski. 1933. № 35.
7. Tygodnik Wołkowyski. 1932. № 41.
8. Tygodnik Wołkowyski. 1933. № 6.
9. Kazimierz Nowik. Podróż do Bocianiey góry. Zielona Góra. 2004.
10. Tygodnik Wołkowyski. 1932. № 9.
11. Tygodnik Wołkowyski. 1933. № 30.
12. Tygodnik Wołkowyski. 1933. № 28.
13. Tygodnik Wołkowyski. 1934. № 23.
14. Пивоварчик Иосиф Петрович. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора.
15. Tygodnik Wołkowyski. 1933. № 9.
16. Księga adresowa Polski dla handlu, przemysłu, rzemiosł i rolnictwa. Rok 1928.
17. Tygodnik Wołkowyski. 1927. № 1.
18. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф.79. О.1. Д.1.
19. Государственный архив общественных организаций Гродненской области (ГАООГО). Ф.6195. О.1. Д.471.

Семь суток войны

Николай Быховец

Окончание. Начало в № 1-5

О маршале Кулике

Остатки соединений советских армий, как могли, оказывали врагу упорное сопротивление в районах Волковыска и Зельвы. Вместе с солдатами и командирами Красной Армии головы здесь положили многие генералы. Первым советским генералом, погибшим в Беларуси, стал помощник командующего войсками Западного фронта по укрепленным районам И.П. Михайлин. Он был убит 23 июня 1941 г. во время боя под Волковыском, про что сообщил в Главное управление кадров Наркомата обороны СССР из штаба фронта майор Б. Ващенко [1,с.28]. При столкновении с немецкой засадой в ночь на 28 июня на северо-западе от Волковыска погиб выходящий из окружения командир 5-го стрелкового корпуса А. В. Горнов.

Многие командиры Красной Армии, круто вознесшиеся по служебной лестнице только благодаря массовым репрессиям среди командного состава, воевали шаблонно, боясь проявить инициативу при выполнении приказа. Смертельная боязнь ответственности за самостоятельно принятое решение зачастую заставляла исполнителей действовать прямолинейно, преступным образом, гоня на убой в бессмысленные атаки своих подчиненных красноармейцев. Одну из таких атак в первую неделю войны, возле Зельвы, описал бывший немецкий солдат:

«29-я моторизованная дивизия, солдат которой называли «ястребами» из-за их тактического знака, глубоко увязла в обороне против отчаянно пытавшихся вырваться из окружения советских частей на более чем 60-километровом участке боковины огромного клина. Русские надеялись пробить брешь в немецком кольце. Они собирались в глухих зарослях и при поддержке танков и артиллерии устремлялись на прорыв тонкой линии, образованной немецкой дивизией.

К юго-западу от деревни Езерница советская кавалерия атаковала противника, устремившись прямо на пулеметный огонь мотоциклетного и пулеметного батальонов 5-го полка под крики «Ура! Ура!», откатываясь, перегруппировываясь и нападая снова силами дивизионов и полка. Около Зельвы им удалось ворваться на передовые позиции разведчастей. Немецкие 15-й и 17-й пехотные полки из Касселя и Эрфурта находились в бою без отдыха. Особенно доставалось батальонам 15-го пехотного полка. Позиции 5-й роты пролегли всего километрах в двух от города Зельвы, буквально кишевшего русскими. Вновь и вновь они бросались на немцев с душераздирающим «Ура!» – ротами, батальонами, полками.

Эта картина поражала воображение немецких солдат. Русские атаковали широким фронтом, сомкнутым строем, живыми валами – за первой волной накатывалась вторая, третья, четвертая.

- Они, наверное, сошли с ума, – поражались солдаты 29-й дивизии. Словно загнипнотизированные, они взирали на приближающуюся к ним бурю, как земля, стену из одетых в военную форму человеческих тел. Русские бежали ровными шеренгами, ошестинившимися длинными штыками винтовок.

- Ура! Ура!

- Это убийство! – проворчал командир 1-го батальона капитан Шмидт. Но что же такое вообще война, если не убийство? Если они хотят погасить этот шторм, а не просто прижать атакующих солдат к земле, следовало подождать подходящего момента. – Без моего приказа огонь не открывать! – скомандовал капитан.

Стена приближалась.

- Ура! Ура!

Лежа у пулеметов, немцы слышали, как бьются их сердца. Невозможно было выносить это. Наконец прозвучал приказ:

- Беглый огонь!

Пулеметчики нажали на спусковые крючки, зная, что, если они не уничтожат нападающих, те уничтожат их.

Загрохотали пулеметы.

- Огонь!

Защелкали карабины. Затарахтели автоматы. Первый вал как будто срезало. На убитых и раненых первой волны рушились солдаты второй цепи. И вот схлынула третья. Бурные холмы покрывали ровное поле.

...Атака кавалерии захлебнулась под пулеметным огнем 8-й роты. Самым страшным, что доводилось слышать немцам, было ржание раненых и умирающих коней. Они кричали отчаянно, пытались встать на ноги, поднять свои разорванные пулеметным очередями тела, чтобы бежать куда угодно, лишь бы подальше от нестерпимой боли...» [2,с.40].

Самым высокимо положению в эти дни на Западном фронте был маршал Григорий Иванович Кулик, получивший высшую ступень воинского звания в то время, как других маршалов расстреляли. Подчиненные Кулика не любили. Будущий главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов служил тогда первым заместителем Кулика:

«Григорий Иванович был человеком плохо организованным, – вспоминает Воронов, – много мнившим о себе, считавшим все свои действия непогрешимыми. Лучшим методом своей работы он считал держать в страхе подчиненных. Любимым его изречением при постановке задач и указаний было: «Тюрма или ордена» [3,с.699].

В первый же день войны Сталин из Москвы на специальном самолете послал на Западный фронт двух своих маршалов – Шапошникова и Кулика. Шапошников остался в штабе, расположенном в Минске, а Кулик отправился на этом же самолете еще дальше – в район Белостока, в штаб 10-й армии под командованием генерал-майора Константина Дмитриевича Голубева. После этого с ним оборвалась связь. Рассказывает Гречаниченко Владимир Алексеевич, майор, начальник штаба 94-го кавалерийского полка 6-й кавалерийской дивизии. Полк перед войной был расквартирован в городе Ломже:

«День 25 июня был для полка, да и для всей 6-й дивизии, самым черным днем. Начиная с рассвета, немецкая артиллерия открыла массированный огонь на всю глубину боевого порядка полка. В воздухе на небольшой высоте непрерывно барражировала немецкая авиация. Она наносила бомбовые удары даже по небольшим группам наших войск, а истребители прикрытия гонялись за каждым человеком. Подобного я не видел за четыре года войны.

Уже в первые часы все наше тяжелое вооружение было выведено из строя, радиостанция разбита, связь полностью парализована. Полк нес тяжелые потери, был плотно прижат к земле, лишен возможности вести какие-либо активные действия. Погиб командир полка подполковник Н. Г. Петросянец. Я принял на себя командование полком, а точнее – его остатками.

Связи со штабом дивизии не было, и где-то в конце дня я на свой страх и риск решил отвести остатки подразделений за линию железной дороги Сокулка-Белосток. При отходе получил осколочное ранение.

Отход не намного улучшил наше положение. Обстановка продолжала ухудшаться, связь с высшим штабом по-прежнему отсутствовала. Примерно в 21 час у нас появился

заместитель командира дивизии подполковник Трембич, тоже разыскивавший штаб дивизии. Он сообщил, что некоторые части отходят на Волковыск за реку Россь. Мне он приказал собирать всех выходящих из боя бойцов и командиров и, если до полуночи не установим связи со штабом дивизии, отходить на Волковыск.

В полночь собралось около 300 человек – нашего и 48-го кавалерийских полков... В течение второй половины ночи мы прошли сожженные Крынки и остановились на высотах с перелесками северо-западнее Большой Берестовицы. С рассветом 26 июня возобновила свои боевые действия вражеская авиация. Наши настойчивые поиски штаба дивизии остались безрезультатными. К нам присоединились несколько групп отступающих бойцов строительных батальонов, стрелковых и других частей. Весь день на линии боевого охранения вспыхивали перестрелки. Группа командиров категорически настаивала на отходе к Волковыску. В конце концов, с этим согласились все. Как только наступили сумерки, двинулись на рубеж реки Россь, к Волковыску, рассчитывая здесь соединиться со своими.

На рассвете 27 июня подошли к Волковыску. Здесь мы встретили группу командиров, сопровождавших маршала Кулика. Он выслушал мой доклад и приказал лично мне вести свою группу полевой дорогой к реке Россь, и организовать оборону на ее правом берегу севернее Волковыска.

Но и здесь мы не обнаружили каких-либо воинских частей. Мимо сплошным потоком двигались автомашины, трактора, повозки, переполненные народом. Мы пытались остановить военных, ехавших и шедших вместе с беженцами. Но никто ничего не желал слушать. Иногда в ответ на наши требования раздавались выстрелы. Все утверждали, что уже занят Слоним, что впереди высадившиеся немецкие десанты, заслоны прорвавшихся танков, что обороняться здесь не имеет смысла.

А 28 июня, как только взошло солнце, вражеская авиация начала повальную обработку берегов Росси и района Волковыска. По существу, в этот день окончательно перестали существовать как воинские формирования соединения и части 10-й армии. Все перемешалось и валом катилось на восток. И среди военных, и среди беженцев циркулировали упорные слухи, что наши главные силы сконцентрированы на старой государственной границе. И все стремились туда, кто, как мог и сколько мог. Однако эти слухи не оправдались» [4, с.157-160].

Присутствие маршала Кулика особенно не повлияло на организацию надежной обороны Волковыска. Свидетельства майора Гречаниченко еще раз подтверждают, что никакой организованной обороны города просто не существовало. Если и были схватки с противником, то они носили случайный и точечный характер. При наличии огромной массы войск и многих высших командиров мер к обороне города так и не предприняли, а скорее всего просто не могли ее организовать.

С маршалом Куликом во время отступления с самого Бреста пришлось столкнуться в Слуцке и Александру Александровичу Калиновскому, который по городским улицам, среди столпотворения отходящих войск, двигался на восток. После войны Александр Калиновский проживал в Волковыске и оставил воспоминания:

«...Наше внимание привлек здоровенного роста командир, стоящий в центре города и наблюдавший за потоком отступающих войск.

- Маршал! Маршал! – пронеслось по толпе. Всем своим бравым видом, своим присутствием маршал желал показать толпе, что Красная Армия не разбита и скоро покажет врагу, на что она способна. Но не выдержал. Подняв обе руки, сжатые в кулак, и потрясая ими, закричал:

- Куда вы бежите, как скот?

И в этот момент маршалу представился случай показать этой необузданной толпе свою решительность, свою суровость, свою непоколебимость. Показать, как в Красной Армии расправляются с паникерами. Откуда ни возьмись, возле маршала вдруг оказался подросток в военной форме, так называемый «сын полка». Видимо, его специально подослали старшие

товарищи, рассчитывая на отцовскую заботу.

- Товарищ маршал! – по всей форме обратился паренек к полководцу. – Мы уже три дня ничего не ели! Распорядитесь, пожалуйста, чтобы нас обеспечили продовольствием.

С перекосившимся от злобы лицом, давая разрядку до сих пор еле сдерживаемому гневу, маршал крикнул стоящему рядышком адъютанту в чине капитана:

- Расстрелять провокатора и паникера!

Капитан тут же выхватил пистолет и на глазах изумленных солдат и командиров выстрелил в «сына полка». Толпа ахнула» [5].

На поиски пропавшего маршала была отправлена специальная поисковая группа. В итоге маршал вышел из окружения. На фронтах Кулик особо не проявил себя. После войны был репрессирован и расстрелян в 1950 г.

Замковый лес. Шестой и седьмой дни войны

К утру 25 июня в Замковом лесу скопилась большая масса отступающих военных. Расположенный севернее Волковыска, и почти вплотную примыкавший к городу, лес являлся надежным прикрытием от самолетов противника. Под покровом столетних деревьев здесь расположился и штаб 10-й армии. Что происходило в штабе, стало кое-что известно исследователю Е. Г. Решину, написавшему книгу о генерале Дмитрие Михайловиче Карбышеве [6, с.187-188]. :

«Утром 23 июня Д. М. Карбышев направился на КП 10-й армии, который находился западнее Белостока, чтобы обсудить свои дальнейшие действия с помощником командующего Западным Особым военным округом по укрепленным районам генерал-майором И. П. Михайлиным. Но Михайлин был убит. Не желая подвергать жизнь Карбышева опасности, начальник штаба 10-й армии генерал-майор П. И. Ляпин настоял на его отъезде.

Вечером 23 июня Карбышев отбыл по направлению к Барановичам, но рано утром 25 июня вновь появился на КП 10-й армии, который к этому времени перебрался в район Волковыска. Карбышев сообщил Ляпину, что он не смог переправиться через реку Зельвянка, так как с моста у местечка Зельва снят настил, а противник ведет по переправе пулеметный и оружейный огонь. Также отметил, что у моста скопилось большое количество машин и неорганизованных безоружных людей. Карбышев попросил у Ляпина взвод бойцов и пару броневинов, чтобы восстановить переправу.

...25 июня отряд генерала Карбышева, состоящий из 30 бойцов батальона охраны штаба армии и двух танков, выступил в направлении местечка Зельва. Но бой успеха не принес. 26 июня бой за переправу начал второй отряд под командованием начальника разведотдела 10-й армии полковника Смолякина. В отряд входило 40 пограничников, четыре танка, две бронемшины. Бой длился до 28 июня, но перевес в силе был на стороне противника.

27 июня в штабе 10-й армии были доставлены два парашютиста с шифрованным приказом командующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова. Генерал-майор В. А. Фомин, в то время полковник, заместитель начальника оперативного отдела полевого укрепления Западного фронта, после войны вспоминал, что 26 июня 1941 г. он организовывал передачу директивы армиям фронта об отходе их на рубеж реки Щара и далее через Налибокскую пушу. В каждую армию было отправлено по самолету У-2 с приказом сесть у КП, по самолету СБ, которые должны были сбросить парашютистов с шифровкой, а также по бронемашине (доставка приказа, таким образом, дублировалась дважды. – Н. Б.). Все самолеты У-2 были сбиты, все бронемшины сожжены, только на КП 10-й армии удалось сбросить двух парашютистов. Что случилось с этими парашютистами, вспоминает начальник

штаба 10-й армии Ляпин:

«Летчики заявили, что они были сброшены ночью с самолета СБ и попали на наряд запасного танкового полка, который задержал их и вот доставил к нам. Приняв посланцев лично, я в первую очередь проверил их документы. Удостоверения личности оказались сделанными по форме, но обложки разного формата и цвета. Никаких специальных командировочных посланцы не имели. На вопрос, кто их послал, они отвечали, что послал их Павлов лично, он же их инструктировал. Узнав, кто я, они вручили мне объемистую шифровку и потребовали от имени генерала Павлова копию приказа войскам армии, который будет отдан во исполнение указанной шифротелеграммы.

Передав шифровку в шифроотдел, я приказал летчикам ожидать. Однако через несколько минут мне доложили, что телеграмму расшифровать невозможно. Наш шифроотдел и в предыдущие дни не мог расшифровать ни одной шифровки штаба фронта, поэтому доклад о невозможности расшифровать привезенную шифрограмму не вызвал удивления. Было решено послать работника шифроотдела в штаб 3-й армии, находившейся в местечке Россь, и попытаться расшифровать привезенный документ при помощи шифрооргана этой армии. Мы считали, что наконец этот документ даст нам возможность ориентироваться в обстановке и установить цель дальнейших действий армии, что в создавшихся условиях было крайне необходимо.

Прибывшие летчики выразили желание тоже ехать в штаб 3-й армии, где они должны были передать подобный документ генерал-лейтенанту Кузнецову. Я разрешил им, и они уехали.

У меня не было времени затем проследить за представителями генерала Павлова, и я не видел, когда они прибыли из штаба 3-й армии. Но, как выяснилось позже, один из них прибыл на машине вместе с маршалом Куликом и работником нашего шифроотдела часа на два раньше другого. Шифротелеграмму не могли расшифровать и в штабе 3-й армии, а тем временем ранее прибывший представитель серьезно допрашивался в Особом отделе. Запутавшись в показаниях, допрашиваемый бросился бежать в лес, но был убит работником Особого отдела. Через некоторое время на броневике, ранее привозившем маршала Кулика, прибыл и другой представитель, который сразу же был схвачен начальником оперативного отдела подполковником Маркушевичем и передан в руки работников Особого отдела. Последний представитель вообще отказался давать какие-либо показания, только ругал всех нецензурными словами, а через несколько минут он был расстрелян тут же, на КП. Первое время я не думал, что прибывшие представители являлись шпионами, провокаторами. Сомнения были даже тогда, когда один из них был убит, но, наблюдая поведение второго, мои сомнения в этом отношении были рассеяны.

Анализируя сейчас событие с летчиками, происшедшее на КП в районе Волковыска, к сожалению, приходится признать, что бдительность у нас была не на должной высоте. На самом деле, ведь штаб фронта никак не мог знать, где находится штаб нашей армии, тогда как немцам был известен каждый наш шаг».

Начальник штаба 10-й армии Ляпин и спустя много лет после войны был уверен, что попавшие к нему делегаты связи являлись немецкими диверсантами. Только в 1991 г. удалось установить истину: это были действительно советские командиры. Выходит, расстреляли своих из-за того, что шифрограмму в штабе Западного фронта зашифровали до такой степени, что ее не смогли на месте расшифровать. Такая вот глупая сверхсекретность и сверхбдительность творилась на высшем уровне. Оказывается в некоторых случаях такая сверхсекретность тоже бывает преступной.

Таким образом, директива Западного фронта до армий не дошла, и время для маневра было упущено. К вечеру кольцо окружения сжалось, и командуя 10-й армией генерал-майор К. Д. Голубев принял самостоятельное решение – начать отход на рубеж реки Щара по маршруту Пески-Осовляны-Куриловичи и далее лесом.

Между тем через Волковыск продолжали отступать многочисленные разрозненные

воинские подразделения. Так же, как и в предыдущие дни, немецкая авиация преследовала отступающие войска. Из дневника Вероники Тресенберг. Шестой день войны:

«27 июня. Пятница. Сегодня через Волковыск прошло наибольшее количество отступающих советских войск. В этот день, боясь очередного налета, укрылись под мостом, проходящим под железной дорогой, решив, что там нам будет безопасней. Но ошиблись. С самого раннего утра, чуть только рассвело, налетели самолеты, и отступающие военные начали прятаться под мост. Один из солдат открыл по самолетам огонь из пулемета. Самолет снизился почти до самой земли и начал летать над нашими головами, стреляя по укрывающимся людям. Мне очень хотелось покинуть убежище и убежать отсюда, но не могла этого сделать, так как была окружена солдатами. В убежище находилось около 200 человек.

Наступил прекрасный солнечный день. Рядом простирался луг, покрытый цветами и похожий на роскошный ковер. Какая все же красивая жизнь! Какой прекрасный мир! В эту минуту с моих уст сами по себе сорвались неистовые слова молитвы до наивысшего трона, и я попросила у Бога продлить нам жизнь. Возле самого моста росло дерево, а под ним лежал раненый солдат. Рядом упала бомба, но не разорвалась. Самолет вернулся и сбросил еще одну страшно воющую бомбу на то самое место. Бомба взорвалась в болотистом грунте, облепив всех нас грязью, но осколками никого даже ни ранило. Это помогла молитва. Бог смилостивился над нами.

После налета я с мамой покинула свое убежище. Перед собой увидели образовавшееся от взрывов бомб озеро с грязной болотной водой. Дали себе слово больше не покидать своего дома. В этот день Волковыск бомбили еще несколько раз. Вечером от бомб вспыхнула наша гимназия. Вообще, от Волковыска остались одни развалины» [7].

Как вспоминает бывший житель Волковыска Януш Красовский, в пятницу в 12 часов дня со стороны Замкового леса налетело множество самолетов. Это был самый мощнейший налет за все предыдущие дни.

Многие солдаты и командиры из-за действий немецкой авиации не рисковали днем идти по главным дорогам. Они выбирали проселочные дороги или скапливались в окрестных лесах, чтобы под прикрытием ночи продолжить свой путь на восток. Огромное количество советских войск в эти дни скопилось и в Замковом лесу. Свидетельствует бывший командир роты 261-го стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии лейтенант А. И. Бортников:

«Дорога, по которой мы отходили, представляла жуткое зрелище. На ней и ее обочинах лежали трупы солдат, гражданских лиц, лошадей, разбитых автомашин, повозки. Из-за частых налетов вражеской авиации двигались медленно, теряя людей и снаряжение.

...Все дороги на Волковыск были забиты несчетной россыпью трупов в заскорузлых от крови и пыли гимнастерках, с вывернутыми взрывами внутренностями, оголенными человеческими костями. Развалившиеся трупы лошадей, искореженные груды некогда грозных танков и гаубиц забиты всю дорогу. Все леса вокруг Волковыска заполнены солдатами из разных подразделений. Здесь скопились бойцы и командиры из 2-й и 27-й стрелковых дивизий, 6-го мехкорпуса, пограничники, кавалеристы... Разрозненные группы солдат, толпы, колонны... искали командиров» [8, с.269].

Об этом вспоминает и немецкий генерал Герман Гейер, еще раз подтверждая тот факт, что Волковыск был сдан Красной Армией без какого либо организованного сопротивления:

«Захваченная нами техника также свидетельствует о том, что русские в нашем округе не пытались оказывать организованное сопротивление. Они располагали сотнями танков и орудий, и могли бы свободно контратаковать, но они очень редко предпринимали подобные шаги. 9-й корпус захватил и уничтожил во время боев сотни танков и орудий. Еще сотни их остались на главных и проселочных дорогах, в лесах и на болотах, на высотах и в лощинах. Их бросили из-за недостатка бензина, из-за технических неисправностей или по каким-то иным причинам. Также было захвачено множество амуниции, машин, оружия. Это была настоящая свалка. Если солдаты бросают свое оружие, значит, они пытаются спасти свою

жизнь и не собираются оказывать сопротивление врагу. Это впечатление, которое возникло впервые 28 июня под Волковыском, впоследствии многократно подтверждалось» [9, с.78].

Что творилось в Замковом лесу, вспоминает и бывший командир отделения 127-го отдельного саперного батальона, перед войной расположенного в летнем лагере возле Гродно, Анатолий Михайлович Олейник:

«Услышав весть о войне, лагерь стремительно ожил. К проходной прибыл начальник сводного лагеря старший политрук Науменко – жестокий, недалекий человек. «Виновников» тревоги Ивана и меня поставили по стойке смирно. Сообщение о начавшейся войне начальник отверг, а солдат, принесших сведения объявил «провокаторами, трусами, иностранными агентами» и посадил под арест. А курсантам приказали ложиться спать: «Отбой до подъема!». Минут через 15 - 20 немецкие самолеты сбросили бомбы на спящий лагерь. Обошлось без жертв. После этого арестантов освободили.

Псковский паренек Ваня пересел на автомашину ЗИС-5, груженную понтонно-саперным снаряжением. Ваня нашел мне место в кузове. Днем 22 июня до темноты находились при штабе 3-й армии в нескольких километрах восточнее Гродно. Бой шел за город. 23-го и 24-го – уже в местечке Скидель, но некоторые подразделения штаба поехали дальше. Ночью произошел бой под Скиделем. Мост через Неман в местечке Мосты захватили немцы. 26-го мы нашли штаб 3-й армии в лесу южнее Мостов. 26-го штаб армии уехал в город – в Волковыск или в Слоним, толком никто не знал.

В автомобилях бензин на исходе, заправщиков нет, многие машины бросают. На железнодорожных путях возле станции Россь обнаружили цистерну со спиртом, заправили бак. Мотор греется, чихает, но едем. По пути из брошенных автомобилей сливаем крохи бензина и разбавляем в баке спирт. В Замковом лесу на подступах к Волковыску в кустах Ваня увидел легковой автомобиль «эмку». Подбежал к ней и увидел переодевающегося в гражданскую одежду своего «грозного» начальника старшего политрука Науменко. Ваня остолбенел, а политрук приказал ему немедленно уходить, вслед летели какие-то непонятные слова.

Замковый лес был переполнен военнослужащими, которые при виде транспорта пожелали им воспользоваться, и начали собираться возле автомобиля.

Западнее леса на высоком железнодорожном полотне, в 1.000 - 1.500 метрах, безжизненно стояли товарные вагоны, ничем не примечательные. Но вдруг в мгновение вагоны ожили – преобразовались в бронепоезд врага. Орудийные снаряды бронепоезда накрыли осколками многих нерасторопных солдат.

Ваня, сохраняя полное спокойствие под огнем, искусно вывел свой автомобиль из зоны обстрела, и по полевым дорогам взял курс на город Слоним. На одной из опушек леса по пути следования увидели внушительную колонну новеньких танков Т-34 и развалившихся вокруг них на земле танкистов. Оказалось, что они уже несколько дней стоят без горючего, когда вокруг земля горит, нуждается в поддержке пехота. С наступлением сумерек приблизились к окрестностям Слонима, где недавно гремел бой. Здесь мы впервые увидели горящие немецкие танки. Их было много – хорошая работа наших родных бойцов. Дальше нам приказали двигаться на север, к городу Лида» [10].

А Волковыск все продолжали бомбить. Из дневника Вероники Тресенберг. Седьмой день войны:

«28 июня. Суббота. Бомбардировка города продолжается. Находимся в своем доме и молимся. Наши мысли об отце. Где он сейчас? Вечер и ночь с субботы на воскресенье просидели в подвале возле дома. Эта ночь оказалась для нас очень тяжелой, но прошла и она, как проходит все на свете» [7].

К вечеру 28 июня, так и не дождавшись приказов со стороны командования Западного фронта, командующий 10-й армией Голубев решил покинуть Замковый лес и продолжить отступление. Позднее начальник штаба 10-й армии генерал-майор Ляпин в докладе генерал-лейтенанту Маландину писал:

«Со штабами корпусов окончательно была потеряна связь 28 июня примерно в 22-23.00, в то время, когда штаб армии готовился к переезду из района Волковыска в район Деречина. Однако приказ на отход за реку Щара все части, кроме группы Ахлюстина, получили через делегатов штаба армии и войск. Штаб Ахлюстина разыскать не удалось.

...28-го же, поздно вечером, из района Волковыска в район Деречина выступила колонна штаба 10-й армии, в которой находились Маршал Советского Союза Кулик, командующий 10-й армией Голубев, член Военного совета бригадный комиссар Иванов, генералы Барсуков, Ляпин, офицеры штаба ...в сопровождении шести танков Т-34 на автомашинах с красноармейцами мимо валом катившихся на восток, не управляемых никем, огромных масс войск» [8,с.269-270].

Они не могли знать, что в этот день немцами был захвачен Минск и что все войска, находящиеся западнее Минска, оказались в окружении. Как потом писали советские историки, пограничное сражение было проиграно Западным фронтом на четвертый день войны. В лесах между Гродно и Белостоком и на маршрутах между Белостоком и Зельвой было потеряно огромное количество боевой техники. Главным образом, из-за отсутствия горючего. Так, как дорога с запада на Волковыск и далее на Зельву, в отличие от других, еще оставалась свободной до вечера 28 июня, то по ней отступали до последнего момента. Но отступавшие красноармейцы не знали, что они уже в котле, и что вырваться из него будет суждено далеко не всем.

Ветераны Западного фронта называют дорогу Волковыск-Слоним «дорогой смерти». В конце июня 1941 г. район этого шоссе был завален брошенными танками, сгоревшими автомашинами, разбитыми пушками. В некоторых местах скопление техники было столь велико, что прямое и объездное движение на транспорте было невозможно. Но самое главное – на этой дороге полегла огромная масса солдат и офицеров, пытавшихся пробить кольцо окружения.

Генерал-майор Петр Николаевич Ахлюстин, о котором упомянул Ляпин, – командир 13-го механизированного корпуса. При отступлении от границы через Беловежскую пушчу корпус распался на отдельные части. Генерал Ахлюстин возглавил одну из таких частей и повел на соединение с основными силами фронта. Отряд управления корпуса 28 июня подошел к реке Сож на участке 132-й стрелковой дивизии. Отряд прошел по вражеским тылам более 500 км. Во время переправы через реку погиб командир корпуса генерал-майор Петр Николаевич Ахлюстин. Будучи уже раненым, командир оставался на западном берегу до конца, руководя переправой. Он уходил с последним отрядом и был насмерть сражен осколком разорвавшейся мины.

Во время нахождения штаба 10-й армии в Запковом лесу, здесь очутилось одно из немногих воинских подразделений, сохранившее строгую дисциплину и порядок. Это были пограничники. Вспоминает бывший командир 86-го августовского погранотряда Гурий Константинович Здорный. Из воспоминаний не совсем понятно, когда отряд покинул лес:

«К исходу 22 июня 1941 г. я получил по радио из штаба пограничного округа в Белостоке приказ немедленно отходить на Волковыск.

Числа 23 июня при переходе железной дороги в местечке Кузница я видел колонну 11-го механизированного корпуса, которую бомбила немецкая авиация большим количеством самолетов. Вообще, немецкая авиация только и была видна в воздухе. Выполняя приказ, я поспешно вел колонну примерно в 600 человек и к рассвету 25 июня мы подошли к городу Волковыску, пройдя за три дня более 180 километров. Мы шли полевыми дорогами, не встречая немецких войск. Город Волковыск был охвачен пламенем после налета вражеской авиации, рвались боеприпасы на армейских складах.

(Эти склады располагались в районе современной 5-й школы. В 1960-е года, когда автор данной статьи учился в ней, школьники-мальчишки целыми пригоршнями собирали на вскопанном весной школьном огороде разброшенный артиллерийский порох в виде коротких макарон. Нам нравилось наблюдать, как он горел. Спустя столько лет после войны

порох не испортился и горел как новый. – Н. Б.)

В 3-х километрах севернее, в лесу, я нашел штаб 10-й армии. Там же было мое начальство – управление погранотрядами, которое находилось на территории Белорусской ССР. Мне вручили приказ: двигаться по шоссе на Барановичи, куда предполагалось передислоцировать управление погранвойск и 86, 87, 88 и 89-го погранотрядов. С остальными погранотрядами связь по радио была потеряна.

Через город Волковыск с юга проходило шоссе Брест-Пружаны и по нему отходили войска правого крыла 4-й армии: они, как мы поняли, просто бежали. Открыто мы так не говорили, но понимали, что произошло что-то непонятное: уж слишком быстро продвигались фашистские войска, по 60-80 км в сутки, а фашистская авиация бомбила и обстреливала из пулеметов каждое скопление наших войск. Нашу колонну также обстреливали...

Вечером 25 июня мы нагнали на шоссе какую-то колонну. Оказалось, это войска 4-й армии, которые должны были отходить в полосе южнее, в 50 км. Не видно было управления, это было толпа деморализованных солдат, слышались ружейные выстрелы, пулеметная стрельба. Какие-то солдаты расстреляли полковника, попытавшегося навести порядок в колонне, отходившей на Слоним. Моя колонна, численностью около 500 человек, была исключительно из состава моего погранотряда. Солдат и офицеров из отходящих и деморализованных войск я приказал не принимать.

...К моему отряду в разное время присоединились командующий 10-й армией генерал-майор Голубев, генерал-лейтенант Карбышев и Маршал Советского Союза Кулик, который 23 июня прилетел в город Белосток, чтобы помочь командованию 10-й армии отразить нападение немецких войск и отбросить их за границу. Кулик не смог ничего сделать, попал в окружение, переоделся в крестьянскую одежду и в городе Волковыске присоединился к нашему отряду» [11, с.83-86].

Здесь Гурий Здорный не совсем точен. Прилетел Кулик в Белосток 22 июня, а переоделся в гражданскую одежду позднее, оказавшись в окружении за Слуцком.

Время ухода штаба 10-й армии из Замкового леса подтверждает в своих мемуарах цитировавшийся выше командир немецкого девятого армейского корпуса Герман Гейер. Расхождение со свидетельством генерал-майора Ляпина всего лишь в нескольких часах:

«28 июня. 137-я дивизия должна была попытаться захватить русское верховное командование, которое находилось в Волковыске. Для того чтобы повысить шансы, 292-я дивизия должна была подойти к Волковыску с юга. Но после взятия Волковыска мы со своими четырьмя дивизиями могли удерживать фронт шириной 150 километров лишь с помощью небес! (Здесь Гейер всего лишь рассуждает о последствиях, если бы Волковыск был взят в этот день. – Н. Б.).

Операция 137-й дивизии оказалась успешной. В 18:00 русский штаб был взят в 15 километрах к востоку от бывшего правого крыла дивизии. Русские командиры уехали несколькими часами раньше, но мы обнаружили множество документов, благодаря которым узнали местоположение большей части русских укреплений» [9, с.71].

Возможно, немецкая разведка узнала о маршале Кулике, и войска дивизии пытались захватить его вместе с другими советскими генералами. Во всяком случае, штаб 10-й армии вместе с маршалом Куликом так поспешно удирал из Замкового леса, что оставил врагу секретные документы.

Свидетель событий седьмого дня войны в районе Волковыска башенный стрелок бронемашин, рядовой 35-го танкового полка 6-й кавалерийской дивизии Виктор Сергеевич Финогенов вспоминает:

«После двух дней боев в районе Сокулки остатки полка начали отходить на Волковыск. Из-за отсутствия горючего часть боевых машин пришлось уничтожить. При движении ночью фары не включались – остерегались бомбежки. Это привело к аварии нашу бронемашину. В темноте она угодила передним колесом в воронку от бомбы, в результате чего сломалась полуось. Случилось это посреди небольшой деревеньки. Командир эскадрона пересел на

другую машину. Нам же, оставшимся трем членам экипажа, с помощью местных жителей до рассвета пришлось заменить сломанную полуось, снятую с разбитого грузовика, а потом догнали своих. Утром на лесной дороге, не доходя Волковыска, попали под сильнейшую бомбардировку. В итоге на ходу в полку остались только три танка БТ-5 и две бронемашины БА-10, в том числе наша. Старшим из уцелевших командиров был замполит полка батальонный комиссар Гуревич, который и возглавил остатки полка.

28 июня мы вышли к реке Россь севернее Волковыска, но путь дальше на восток был уже здесь перекрыт фашистами. Попытка прорваться с ходу успеха не имела. В бою мы потеряли последние танки и бронемашины. Вместе с экипажем сгорел в танке батальонный комиссар Гуревич. Наша бронемашина сначала была подбита, но мы продолжали вести огонь из орудия и пулеметов. От очередного попадания она загорелась. Мы покинули ее и перебежками отошли назад.

К вечеру в ближайшем лесу собралось большое количество отходивших бойцов и командиров разных частей. В течение ночи разрозненные подразделения и группы были сведены в отряды, определены их командиры и участки атаки, а утром одновременно всей массой, почти без выстрелов, с криками «Ура!» мы пошли на прорыв. Помню, как вброд преодолели речку, бежали мимо каких-то домов, потом в гору. Немецкий заслон был смят. И хотя от автоматного и пулеметного огня, а потом минометного и артиллерийского обстрела вдогон немало бойцов и командиров погибло, большинство все-таки смогло прорваться и продолжать отход на восток.

Однако мало кому из нас удалось окончательно вырваться из окружения и выйти к своим. Сформированные перед прорывом у Волковыска отряды постепенно стали распадаться, так как большим группам трудно было укрываться и обеспечиваться продовольствием. Командир нашего отряда своим решением распустил его на мелкие группы, которые должны были самостоятельно добираться до линии фронта» [12].

О том, как с Волковыска уходили последние части Красной Армии, рассказывает в своей книге «Короли диверсий» Михаил Ефимов:

«Все последующие дни полк отступал. Ночью отходили, днем пытались дать бой фашистам. Но немцы были сильнее и в технике, и в оружии, и в живой силе.

При подходе к Волковыску на открытом участке местности немецкие самолеты нанесли удар по колонне. Они расстреливали полк из пулеметов. Потери оказались велики – от личного состава осталась в лучшем случае треть людей. Бойцы были измотаны бессонницей, боями. Тыловые подразделения где-то потерялись в дороге, есть нечего, из НЗ только сухари. Однако выхода не было. Комполка приказал занять оборону западнее Волковыска. Но она не выдержала и первого удара фашистов. Началось беспорядочное бегство. Мотоциклы с водителями находились в ближайшем населенном пункте. Когда Голицын прибежал туда, во дворе оставался всего один мотоцикл. Но его заняли командир роты и офицер из другого подразделения. Павлу места уже не было.

Комроты умчался, бросив своего взводного. В этот момент, глядя в спину уезжающего командира, Голицын вспомнил маленького, взлохмаченного солдатика, признанного дезертиром и расстрелянного в первый день войны. Кто был настоящим дезертиром – солдатик или его ротный командир? Однако для долгих раздумий времени не хватало. Немцы наседали. Дав несколько очередей из автомата по цепи фашистов, Павел вскочил на лошадь, которая находилась в этом же дворе, и помчался к лесу.

До опушки леса он добрался благополучно, хотя в спину и стреляли. Лесными дорогами выехал восточнее Волковыска. Там нашел остатки своего полка, доложил о прибытии и получил задачу – возглавив два мотоциклетных экипажа, убить на разведку западнее Волковыска, выяснить силы и средства наступающих фашистов и, возвратившись, сообщить.

Разведгруппа, проехав Волковыск, остановилась, залегла, стала вести наблюдение. Сначала по дороге двигались остатки наших войск, а ближе к полудню появились немцы.

Открыв огонь по фашистскому дозору, мотоциклисты вскочили в машины и помчались через горящий город назад, туда, где занимал позиции их полк. В дороге попали под бомбежку немцев, под свой артобстрел и, наконец, выехали в расположение полка. Но полка на месте не оказалось. Не дождавшись разведки, подразделения снялись и ушли на восток» [13].

Волковыск сдан врагу

Еще совсем недавно, вплоть до 2005 года, никто из местных историков и краеведов не мог назвать точную дату и время появления немцев в Волковыске. Отсутствует такая дата и в книге «Памяць» по Волковысскому району. Это яркий пример безразличия местных официальных историков к истории своего края. Даже такую важнейшую для родного города дату они не могли установить. А ведь это не составляло особого труда – в послевоенное время на протяжении десятилетий в городе проживали сотни свидетелей тех дней. Надо только было расспросить и записать их воспоминания. Дневник Вероники Тресенберг, который, несомненно, является документом, внес ясность в этот вопрос.

Из дневника Вероники Тресенберг. Восьмой день войны:

«29 июня. Воскресенье. С утра бомбардировок не последовало. Не знаем, что твориться на белом свете. В 7.05 утра увидели, как по улице едут машины с немцами. Значит, очутились под другими оккупантами с такими же самыми оковами, но более культурными. Люди начали все грабить и тянуть к себе. Сейчас хоть будем спокойны, потому что на голову не сыплются бомбы. Иду посмотреть на мост, где прятались в пятницу. Передо мной открылся страшный вид: весь луг перед мостом заслан трупами людей. Обильную жатву собрала смерть» [7].

Немецкие войска могли войти в Волковыск еще накануне вечером в субботу. Однако, как правило, входить на ночь в города немцы не рисковали. Командование дало возможность своим солдатам провести теплую летнюю ночь вне разбомбленного и догоравшего города. Ночью, проведя разведку Волковыска, и убедившись в отсутствии в нем советских войск, в воскресное раннее утро немцы походными колоннами победителей вошли в город.

В воскресенье, прознав, что в городе новые хозяева, из соседних с Волковыском деревень в город возвращались многие жители. Вспоминает Ян Былинский:

«В воскресенье утром в деревню Баченцы прибежала наша бабушка, оставшаяся в Волковыске из-за больного мужа, и сообщила, что город заняли немцы и ведут себя нормально. Надо возвращаться домой. По дороге встречали немецких солдат, не обращающих на нас внимания. Удивили мотоциклетки на гусеничном ходу с пулеметом над головой водителя, перевозившие пять человек. На месте бабушкиного сгоревшего дома валялся труп убитой лошади. Немцы пригнали мужчин. Те связали ноги лошади проволокой и потащили закапывать. Здесь же, на обочине улицы, в проточной канаве, наклонившись набок, стояла брошенная советская полуторка со счетверенным зенитным пулеметом. Залив в баки бензин, немцы завели машину и уехали на ней своим ходом. (Ян Карлович пошутил: «Наверное, поэтому улицу Замостянскую после войны переименовали в улицу Зенигчиков!»)

Первым делом немецкие власти организовали расчистку улиц, привлекая к этим работам военнопленных и евреев. Спрашиваешь, сколько сбили немецких самолетов? Один. Об этом рассказывали все жители, пережившие первые дни войны» [14].

Вспоминает Григорий Окуневский: «В дни отступления возле нашего хутора, близ деревни Малая Лапеница, остановился мотоциклист. Мать вынесла служивому, с командирскими квадратиками в петлицах, кружку молока и от чистого сердца предложила попить.

- Что? Б...дь! Отравить меня хочешь?! – вместо благодарности покрыл ее матом советский командир. Молока так и не взял.

Когда через пару дней к нам на хутор завернули двое немецких солдат, то и им мать

предложила молока. Поблагодарив, тоже отказались, но попросили яиц. Протерев платочком принесенные куриные яйца, тут же на месте выпили, достали деньги и расплатились.

В соседней деревне Гриневичи для встречи немцев люди поставили праздничную браму. Проезжающие солдаты в знак благодарности бросали конфеты (с цветами немцев встречали и в других населенных пунктах Волковысского р-на. И не только в Западных Беларуси и Украине.– Н. Б.)

В субботу вечером я вместе с отцом пас коров. Подъезжают к нам немцы на мотоцикле. Остановились, раскрыли карту и спрашивают: «Коревичи?» Я, махнув рукой, показал им дорогу на деревню. Увидели подошедшего с кнутом отца, обутого в деревянные «ходоки», заулыбались, показывая друг другу на то, в какой примитивной обуви ходят местные крестьяне.

На другой день мимо меня и моего стада по проселочной дороге пылит немецкая колонна. Дорога плохая, и если бы свернули в бок на поле, ехали бы гораздо комфортней. Ни один не свернул, видимо, свыше приказ был не портить посевы. Ехавший на велосипеде солдат подозвал меня:

- Белорус? Юдэ?

- Белорус! – отвечаю.

- Гут! Гут! – и поехал дальше» [15].

Вспоминает житель деревни Тимохи Станислав Садовский:

«Первые немцы через нашу деревню ехали на велосипедах. Двое суток непрерывным потоком шли войска. На ночь располагались по гумнам на сене и в хатах. Людей не трогали. Один мужчина пас коров, одетый в рубашку с пуговицами со звездочками, выдававшуюся железнодорожникам. Пригнали его в деревню. Люди подтвердили, что местный. Отпустили» [16].

В донесении немецкой группы «Центр» от 1 июля указывалось:

«Шоссе и дороги, особенно дорога Белосток-Волковыск, забита брошенной вражеской техникой, автомашинами разных типов, орудиями и танками» [17,с.270].

Из дневника Ф. фон Бока, командующего группой армии «Центр»:

«30.06.41 г. Поездка в Белосток, где захвачено много трофеев.

Дорога Белосток-Волковыск представляет собой жуткое зрелище: сплошная разруха. Сотни танков, орудий всех калибров, автомашин разбросаны по обочинам дороги...».

Об этом же свидетельствует один из местных жителей Степан Болеславович Кулик, 1920 г. рождения:

«При отступлении наших войск в конце июня 1941 г. немцы целыми днями бомбили дорогу на Волковыск. Очень много машин разбитых валялось. Возле деревни Яриловка (15 километров западнее Волковыска. – Н. Б.) на дорогу вырвались немецкие танки и перебили много наших солдат. После войны их останки выкопали и перезахоронили» [18].

Некоторые из красноармейцев, кто продолжал продвигаться на восток и, чтобы спастись от плена, вспомнили про забытого ими Бога. Вспоминает жительница деревни Мстибово Леонтина Константиновна Леонович, 1922 г. рождения:

«Когда мы с сестрой работали на поле, к нам подошел отступающий красноармеец и попросил у нас образок с Божьей Матерью. Я сняла с себя, и он тут же надел его себе на шею. Говорил, ежели немцы схватят, то с крестом или образком на шее солдата могли и отпустить, если он скажет, что недалеко живет и пробирается домой» [19].

Между тем, где только было можно, народ бросился грабить различного рода склады и вагоны с товарами, предназначенными для отправки в Германию, но начавшаяся война не дала этого сделать. Об этом эпизоде Волковысской истории прекрасно рассказал Юзеф Хустэцки. Скорее всего он описывает субботний день 28 июля:

«На путях длинными змейками стояли составы. В то время, когда солдаты гибли под пулями, в вагонах истошно кричали дети, гибнущие от бомб, стонали раненые, со всех

сторон раздаются крики: «Помогите! Воды! Мама!» – соседние с Волковским деревни полным ходом штурмовали станцию. Со станции везли: пшеницу, сапоги, белье, кожу, одежду, материю, шерсть, стекло, перины. Чудеса!

Боже! Чего тут только нет! Ремни, седла, ружья, пистолеты, мех, шелк. Некоторые набрали шелка по несколько сотен метров, так как материал тонкий. Возле вагонов суетня, крики, ругань. Одни повозки упакованы по самые края и длинными обозами со скрипом едут домой, другие в это время въезжают на станцию. Их хозяева топорами рубят стены вагонов, так как в дверях тесно. Стоящие кони стригут ушами, так как каждую минуту свистят пули, а бомбы вырывают с корнем деревья. Падают могучие тополя, со скрежетом и писком роня роскошную крону на землю. Люди не обращают внимания. Только бы набросать побольше на воз, только бы поскорее... Уже воз набит до отказа, но жадные глаза ищут что-нибудь еще. В вагонах остались фарфор, стекло, гвозди, сырые шкуры. Стоят еще пару составов с пшеницей» [20,с.66-67].

После оккупации Волковска немецкие власти многое из награбленного заставили вернуть назад. Искали спрятанное в землю или укрытое под сеном добро с собаками. Некоторые из жителей, награбивши сверх всякой меры, не хотели отдавать вещи назад и поплатились за свою жадность жизнью. Вспоминает житель деревни Тимохи Волковского района Валентин Александрович Садовский, 1933 г. рождения:

«В начале войны на станции Волковск Центральной скопилось много вагонов с товарами и продовольствием. Их охраняли. Но когда начиналась бомбежка, люди открывали вагоны и под бомбами грабили вагоны. В последний день, перед тем как сюда вошли немцы, охрана разбежалась, и местные жители забрали остальное добро. Наша семья одна с тонну продуктов натаскала – пшено, гречку, пшеницу россыпью. Из вещей – никелированную посуду, из одежды – вельветовые куртки и телогрейки. Кто не боялся бомбежки, еще больше натаскал. Даже когда уже немцы в городе появились, люди все еще носили из вагонов, пока новая власть на бесхозное добро не наложила руку. Через несколько дней немцы нагрянули в Тимохи с целью изъять награбленный товар. Взяли в заложники 12 мужиков из деревни, поставили к стенке под автоматы и приказали нагрузить целую машину. Если, мол, не отдадите, расстреляем. Куда денешься, пришлось отдавать. Второй раз приехали, и второй раз машину нагрузили. А предатели с нашей деревни, те, которые не награбили, побоялись под бомбы лезть, все доносили немцам о якобы больших запасах. Люди из семей заложников начали уже свое кровное отдавать, а те все нашептывают немцам, что не все отдали. Тогда немцы собрали собрание и при всех жителях врезали двоим доносчикам по 20 ударов резиновой палкой за обман. После этого желающих доносить не находилось» [21].

Об этом же вспоминает Юзеф Хустэцкий:

«По деревням началась ревизия. Немцы приезжали к мужику, на которого кто-то донес. Приезжали на двух грузовиках вместе с евреями и с помощью собак начинали искать. Евреи под охраной выволакивали из сараев на улицу всю рожь, развязывали каждый сноп, искали белье и материю. Бедная была доля того, у кого находили спрятанный товар. Избивали его на месте или забирали в тюрьму. Били до потери сознания: «Говори, кто, что имеет!». Признавался или нет, ночью садили в крытую машину и отвозили на расстрел за Шведскую Гору вместе с другими узниками.

...Люди приуныли. ...Откуда-то повылазили шпики, про которых никто ничего не знал» [20,с.77].

Однако некоторые продукты немцы отдавали сами местным жителям. Вспоминает Ян Былинский:

«После ухода из города советских войск разграблению подверглись склады заготов зерна, расположенные вдоль путей, где перед войной хранились, кроме зерна, продовольственные запасы, которыми снабжался город: крупа, мука, сахар, соль, водка. Там же хранились различные материалы: краска, спички, валенки и прочие товары. Склады охранялись вплоть до самого прихода немцев, но как только охрана удрала, туда хлынул народ. Впопыхах

взваливали на плечи 50-ти килограммовые мешки с мукой, но вскоре ноша оказывалась не под силу и мука отсыпалась прямо на землю. Люди спешили ухватить как можно больше, но появившиеся немцы взяли остатки продовольствия под свою охрану. На удивление жителей вскоре им было вновь разрешено брать продовольствие, только перед тем их заставили подобрать смешанную с землей муку. Теперь немецкий солдат отпускал один мешок на двоих. Такая щедрость со стороны немцев объяснялась боязнью, что возможно какая-то часть продовольствия могла быть отравлена. К счастью для населения продукты оказались невредимыми, и народ тем самым на первое время оккупации обеспечил себя едой» [14].

Разграблению подвергались эшелоны по всей Западной Беларуси. Вспоминает житель деревни Черемха, гражданин Польши Дмитрий Шатилович:

«Крестьяне с деревни Черемха и близлежащих деревень бросились грабить все, что находилось в вагонах на станции Черемха. Немцев еще не было, и никто не мешал грабежу. А на путях стояли эшелоны, полные товаров, которые должны были ехать в Германию. Крестьяне возами везли ящики с московской водкой. Навезли ее столько, что хватило на несколько лет немецкой оккупации. Кроме того, в вагонах было полно солдатского белья, которое советские фабрики приготовили немецким солдатам. Стояло несколько вагонов белой ангорской шерсти, которую после наши женщины пряли и с ниток вязали свитера и другие вещи. Стояло много вагонов, заполненных белым чистым хлопком, который женщины также пряли, ткали и шили одежду» [22,с.240].

Осуждать людей затакую «реквизицию» нельзя. Наоборот, было бы куда хуже оставить все это немцам. Вместе с тем, находились и настоящие мародеры. Рыская в поисках наживы, как волки по полям и лесам, они искали мертвых. С павших солдат сдирали все, вплоть до белья. С лошадей снимали упряжь и седла. Найденное оружие также не оставляли и припрятывали. В хозяйстве все пригодится. Иногда натыкались на живых красноармейцев или на немцев. И те и другие уничтожали мародеров как бешеных собак.

В качестве трофеев, как указывалось ранее, немцам досталась советская воинская техника, брошенная в неимоверном количестве и много ее было в неповрежденном состоянии. Вот что о тех днях вспоминает наш земляк, гродненский писатель Алексей Карпюк. Его родная деревня Страшево располагалась у шоссе Белосток-Волковыск. Как бывший командир партизанского отряда он знал, о чем писал:

«После отступления Красной Армии на шоссе остались танки «целехонькие, покрашенные свежей краской, с исправными моторами, пулеметами и пушками. Немцы, со свойственной им аккуратностью, на их бортах старательно вывели номера. В Белостоке стояла машина с первым номером, а в Волковыске, расположенном от него на расстоянии 90 км, – с пятисотым.

Брошенные были и наши Т-34. Я помню, по крайней мере, пять таких машин. Кажется, и сейчас с точностью до нескольких метров могу показать то место, где они, скособоченные, беспомощно застыли в кюветах. Я забирался к ним вовнутрь. Стенки покрашены были эмалью цвета яичного белка, а вся проводка оплетена густой сеточкой из высококачественной стали, чего не видел я во второй половине войны даже в самолетах.

Повторяю, машин на таком малом отрезке фронта было брошено не менее полутысячи... В наступающих из-под Белостока немецких войсках фон Бока танковых частей было совсем немного...

За исключением восьми самоходок с желтыми крестами на бортах, сгоревших за переправой на Щаре, немцы на направлении Белосток-Волковыск-Слоним не потеряли ни одного танка – во всяком случае, никто из местных жителей сожженных танков противника не видел, они возникали разве что в реляциях наших штабов.

...Между Белостоком и Слонимом попало в окружение очень много наших солдат и офицеров. Они пытались вести бои. Но бои эти были разрозненными. Ни Маршал Советского Союза Кулик, ни генералы разных уровней типа Болдина, Голубева даже не пытались объединить усилия войск на оборону, на прорыв из окружений. Врагу наносились булавочные

уколы, а погибали наши воины десятками тысяч» [23,с.7].

22 июня 1941 г. вермахт на Восточном фронте начал войну против Советского Союза с 3,5 тысячами танков. Половина из них – танкетки с пулеметами. Красная Армия встретила врага с 23 925 танками, из них 3 тысячи тяжелые танки KV и средние Т-34. В первые дни войны немцами было захвачено около 7 тысяч советских танков, на которых закрасили звезды и нарисовали кресты, и которые стали главной ударной силой вермахта в наступлении на Москву и Сталинград.

После того как в город вошли оккупанты, первым делом они организовали погребение трупов, находящихся под развалинами, как в городе, так и разбросанных по обочинам окрестных дорог. В центре города стояла неимоверная вонь, разносившаяся ветром по окрестностям. К запахам гари и разлагающихся людских и лошадиных трупов примешивалась вонь от гниющей рыбы-трески, в большом количестве засоленной в бочках, и хранившейся в разбомбленных продуктовых складах. Вспоминает бывший житель деревни Войтковичи Казимир Степанович Дуда:

«С деревни Войтковичи немцы собрали человек 20 мужиков и заставили расчищать дорогу от людских и конских трупов. Они к этому времени совсем разложились и представляли определенную угрозу для возникновения эпидемий. От носившегося в воздухе трупного запаха дышать было невозможно. Немецкие солдаты, присматривавшие за нами, противогазы надевали, ну, а мы терпели. Вдоль шоссе выкапывали ямы и баграми стаскали в них трупы. Которые помоложе из мужиков – таскали, а кто постарше – закапывали. Оружия при погибших никакого не было. Его кто-то раньше еще подобрал. Напротив Войткович был песчаный карьер, так мы там яму большую выкопали и закопали в ней человек 30 военных. Один из них был командир, старший лейтенант. Сумка командирская на ремне при нем висела. Я обрубил ремень лопатой, взял сумку. Немец увидел, забрал и бросил в яму к убитым. Документы у убитых никто не искал и не вынимал. Тогда ведь то и документов у большинства солдат никаких не было, даже медальонов с фамилиями. Все они легли в землю безымянные и до сих пор считаются пропавшими без вести.

Уже через много лет после войны я говорил бывшему военному Бахолдину о перезахоронении останков советских солдат. «Не мое это дело!» – ответил он» [24].

После войны, когда в наши места возвратилась советская власть, местным мужикам было приказано вскрыть могилы июня 1941 г., разбросанные вдоль дорог и по полям. При этом никого из начальства не интересовало, кто в безымянных могилах похоронен. Да и вскрывали, по всей видимости, лишь те могилы, которые находились на обрабатываемой земле, боясь возникновения эпидемий. Вспоминает житель деревни Бердики Шиловичского сельсовета Бовжик Генрих Михайлович, 1915 г. рождения:

«Для сбора останков погибших сбили большой деревянный ящик и поставили его на повозку. Некоторые из нас, теперешней похоронной команды, в конце июня 1941 г. хоронили погибших красноармейцев и сейчас откапывали их останки. Разложившиеся трупы голыми руками не возьмешь, а потому с помощью обычных крестьянских вил грузили человеческие останки в ящик. Свезили их в Шиловичи и там складывали в братскую могилу. Никаких документов или медальонов с фамилиями у покойников не искали, а специального человека для установления личности погибших из военкомата не давали» [25].

Источники и литература:

1. Маслаў Аляксандр. Страты савецкага генералітэту у баях за Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны // Беларускі гістарычны часопіс. 2002. № 5.
2. Карель Пауль. Восточный фронт. Книга 1. Москва. 2003.
3. Млечин Л. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. Москва. 2004.
4. В июне 1941 года. Под редакцией Ираиды Макеевой. Гродно. 1997.
5. Быховцев Н.И. Вспоминает Калиновский Александр Александрович. Через все испытания. // Местная газета. 2003. № 37.

6. Решин Е. Г. Генерал Карбышев. Москва. 1987.
7. Дневник Вероники Трессенберг. Копия в архиве автора.
8. Шерстнев Владимир. Трагедия сорок первого. Документы и размышления. Смоленск. 2005.
9. Герман Гейер. 9-й армейский корпус в Восточном походе 1941 г. Москва. 2004.
10. Интернет-сайт <http://sb.by>
11. Военно-исторический архив. 2002. № 6.
12. В июне 1941. Воспоминания участников первых боев на Гродненщине. Гродно. 1997.
13. Ефимов Михаил. Короли диверсий. Интернет-сайт <http://www.soldat-udachi.com>
14. Былинский Ян Карлович. Воспоминания, записан. автором. 2002. Архив автора.
15. Окуневский Григорий Семенович. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
16. Садовский Станислав Константинович. Воспоминания., записан. автором. 2004. Архив автора.
17. Бешанов Владимир. Танковый погром 1941 года. Москва. 2001.
18. Кулик Степан Болеславович. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора.
19. Леонович Леонтина Константиновна. Воспоминания, записанные автором. 2004. Архив автора.
20. Chustecki Józef. Bylem sołtysiem w latach okupacji. Warszawa. 1960.
21. Садовский Валентин Александрович. Воспоминания, записанные автором. 2004. Архивавтора.
22. Пакаленне вайны. Дзмітры Шатыловіч. Вайна і мае юнацкія гады. Беласток. 2003.
23. Карпюк Алексей // Приложение к «Литературной газете». «Досье», июнь 1990 г.
24. Дуда Казимир Степанович. Воспоминания, записанные автором. 2004. Архив автора.
25. Бовжик Генрик Михайлович. Воспоминания, записанные автором. 2007. Архив автора.

Послесловие

Первые дни и недели войны... Было все: героизм и трусость, горечь людских потерь и радость спасения из земного ада, панический страх перед немцами и надежда на избавление от большевистского ярма. В полной мере не хватало лишь одного: организованного, стойкого и упорного сопротивления врагу. Белосток и Гродно были захвачены немецкой армией на второй день войны, Минск – на седьмой, Волковыск – на восьмой. Подавляющее большинство городов, местечек и деревень Западной Беларуси, в том числе и Волковыск, фактически сдавались Красной Армией без боя.

Военная тематика будет и дальше одной из главных в нашем журнале. Кажется парадоксом, что в то время, когда о минувшей войне написаны горы книг, она во многом еще неизвестная. Где-то в середине июля 2007 г. средства массовой информации России с гордостью сообщили потрясающую новость: российские военные архивы, хранящие дела о Великой Отечественной войне, открыты и стали доступны исследователям. Оказалось, что до сих пор засекреченными пылились на полках более четырех миллионов дел!

Мало того, было провозглашено, что потери армии и гражданского населения СССР в годы войны составили более 40 миллионов жизней, а не около 27, как объявили при Михаиле Горбачеве в 1980-е годы. Интересующиеся историей, наверняка вспомнят какие цифры потерь своего народа объявило стране после войны сталинское руководство – 7 миллионов. Потом постепенно, при новых генсеках цифры потерь увеличивались. Советский народ привык к постоянному вранью, но то, что открылось сейчас, превышает всякое воображение! Выходит, наше бывшее правительство и руководство “родной” Коммунистической партии, а вместе с ними и советские официальные историки, все послевоенное время ни во что не ставили свой народ, когда “тусовали” десятки миллионов человеческих жизней. Выходит, что теперешняя официальная история Великой Отечественной войны мягко говоря неправдивая, ведь не могла она быть правдивой, когда от исследователей скрывали такое огромное количество архивных материалов.

В ближайшие годы следует ждать новых сенсационных, доселе неведомых фактов, которые будут вытащены на Божий свет из ранее засекреченных архивов. С уверенностью можно предположить, что появиться много новых материалов и о первых днях войны (и не только о первых днях) на Волковышщине. Будем надеяться, что такие материалы не пройдут без нашего внимания и будут опубликованы на страницах “Ваўкавышчыны”.

Агляд літаратурных крыніц па гісторыі Ваўкавышчыны

“Обзор Гродненской губернии” (Агляд Гродзенскай губерніі) – крыніца ведаў па гісторыі Ваўкавыска і Ваўкавыскага павета

Штогоднае выданне пад назвай “Обзор Гродненской губернии”, якое рэгулярна пачало выдавацца з 1882 г., з’яўляецца значнай крыніцай па гісторыі як самога горада Ваўкавыска, так і Ваўкавыскага павета, які ўваходзіў у склад гэтай самай Гродзенскай губерніі. Усяго выйшла 32 агляды. Апошні з іх у 1914 г.

Аналіз выдання зробім на прыкладзе выпуску 1903 года.

Першы раздзел агляду называецца:

1. “Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность ее населения”.

У сваю чаргу раздзелы ўключалі некалькі падраздзелаў. Першы з іх:

“Территория, площадь земли, занимаемая каждым уездом” [с.1].

Гродзенская губернія складалася з 9 паветаў, якія па памеру тэрыторыі выглядалі наступным чынам: Слоні́мскі – 6359,2 квадратныя вярсты, або 662416 дзесяціны, Кобрынскі – 4645,3 і 483885 адпаведна, Брэсцкі – 4299,7 і 447885, Гродзенскі – 3709,1 і 386364, Пружанскі – 3659,4 і 381187, Ваўкавыскі – 3413,2 і 355541, Бельскі – 3130,1 і 326052, Беластоцкі – 2551,8 і 265812, Сакольскі – 2290,6 і 238604. Як бачна, Ваўкавыскі павет быў шостым па памеры з 9 уездаў.

“Почва” [с.2].

Даецца агульная характарыстыка глебы: “Сыпучыя пяскі сустракаюцца ў некаторых мясцінах Ваўкавыскага павета. Пясчана-камяністая праіздвільная глеба займае каля чвэрці Сакольскага і Беластоцкага паветаў, а таксама сустракаецца ў Ваўкавыскім павеце. Супесчатая (ад 5 % да 20 % гліны) і сугліністая (ад 20 % да 40 % гліны) глеба з’яўляецца пераважна ў Гродзенскай губерніі. Гродзенская губернія дае амаль заўсёды сярэднія ураджаі, што можа быць тлумачана толькі спрыяльнымі для земляробства кліматычнымі ўмовамі, таму што умераны клімат і пераважнаючыя заходнія ветры, якія прыносяць з сабой вільготнасць, спрыяюць нармальнаму росту траў”

“Земледелие” [с.3].

Земляробства з’яўляецца галоўным і асноўным заняткам насельніцтва губерніі. З хлебных раслін у Гродзенскай губерніі разводзяць: жыта, пшаніцу, авёс, ячмень, грачыху і проса; са стручковых: бабы, гарох і чачавіцу; з караняплодаў: бульбу і буракі; з прамысловых раслін: канаплю і лён; з траў: клевер і віку.

Даецца характарыстыка надвор’я: “Былая зіма, у параўнанні з мінулай, лёгкая, з невялікімі марозамі, не аказала кепскага ўплыву на азімыя, але халодная і сухая вясна затрымала іх рост і развіццё; наступіўшае затым у маі цёплае надвор’е палепшыла стан пасеваў, і яны аказаліся ўсюды ў нармальным стане. Пасевы яравых былі скончаны ў палове мая, а іх усходы пры спрыяльным надвор’і аказаліся нармальнымі. Часта выпадаўшыя напрацягу амаль цэлага лета дажджы былі прычынай пазнейшай уборкі хлябоў, ураджаі

якіх па колькасці аказаўся не ніжэй мінулага года, але ўступае па якасці зярна, таму што яно не магло поўнасю наліцца, а затым парасло ў снапах.

Але яшчэ болей шкодны ўплыў пастаянныя і шчодрыя дажджы аказалі на бульбу і сена, якіх было сабрана менш за мінулы год і куды горшай якасці, таму што ў нізменных мясцінах бульба пачала гніць, а сена да позняй восені знаходзілася пад вадою і не магло быць убрана”.

Тут жа прыводзіцца табліца, у якой паказана, на якой плошчы град знішчыў пасевы. Калі ў мінулым, 1902 г., град знішчыў 663 дзес. азімых і 518 дзес. яравых на агульную суму 43704 рублёў, то ў 1903 г. граду ў Ваўкавыскім павеце ўвогуле не было.

Засеяна зярном: 58960 дзес. азімых і 59010 дзес. яравых. Гэта другі вынік па Гродзенскай губерні. Бульбай засеяна 15670 дзес.

Пасяўная плошча была засеяна: азімай пшаніцай – 4174 чвэрцямі (чвэрць – каля 3 літраў), жытам – 65882, яравой пшаніцай – 640, аўсом – 36705, ячменем – 9058, грачыхай – 4061, іншымі яравымі хлябамі – 3553, бульбай – 143807.

Сабрана ўраджаю: азімай пшаніцы – 19873 чвэрці, жыта – 419267, яравой пшаніцы – 1901, аўса – 183244, ячменя – 57389, грачыхі – 14443, іншага яравога збожжа – 13540, бульбы – 771416, сена (пудоў) – 2514690 [с.6].

Па ўраджайнасці бульбы Ваўкавыскі павет апынуўся на першым месцы ў Гродзенскай губерні (было сабрана ў 5,36 разоў больш, чым пасажана), а па яравому жыту такая самая ўраджайнасць была толькі ў Кобрынскім павеце.

Кошт усяго ўраджая: збожжа – 1481063 рублёў, сена – 2514690. Па кошту ўраджаю за збожжа Ваўкавыскі павет апынуўся на другім месцы пасля Слонімскага павета (1607396 руб.), а па кошту сена – на чацвертым.

Шкодных насякомых у 1903 г. не з’яўлялася, таму і порчы збожжа, злакаў і бульбы не было [8].

У прылажэнні агляду прыводзяцца больш падрабязныя лічбы аб пасевах і ўраджаях збожжа, асобна на землях памешчыкаў, сялянскіх вобшчав, гарадскіх, казённых.

Далей у аглядзе прыводзяцца сярэднія цэны на сельскагаспадарчыя прадукты і параўнанне іх з мінулым годам. Так, чвэрць жыта вагой 7 пудоў 10 фунтаў у 1902 г. каштавала 5 руб. 61 кап., а ў 1903 г. – 4 руб. 98 кап.; чвэрць жыгняй мукі вагой 7 пудоў 10 фунтаў – 6 руб. 35 кап. І 5 руб. 91 кап. адпаведна; чвэрць круп вагой 8 пудоў: грэчнявай – 13 руб. 31 кап. І 12 руб. 54 кап.; ячневых – 11 руб. 15 кап. І 10 руб. 75 кап.; чвэрць аўса вагой 5 пудоў – 4 руб. 65 кап. І 4 руб. 16 кап.; пуд сена – 33 кап. і 33 3/4 кап., саломы – 20 кап. і 19 1/2 кап.

Прадаж збожжа і іншых сельскагаспадарчых прадуктаў знаходзіцца ў спрыяльных умовах. Першымі і галоўнымі спажывальцамі ўсіх прадуктаў з’яўляецца войска, распаложанае ў губерні і за яе межамі, жыхары заштатных гарадоў і мястэчак, якія самі не апрацоўваюць землю, бо працуюць на фабрыках, або займаюцца рамесствам і гандлем. Лішак ад мясцовага спажывання вывозіцца па чугунцы і вадзяным пуцямі: па рацэ Неман, Заходні Буг і сістэм Агінскага і Дняпра-Бугскага каналаў.

“Обеспечение народного продовольствия”.

Прыводзяцца лічбы ураджаю збожжа, бульбы і сена, а таксама лічбы ўласнага спажывання: колькі пайшло на пасеў, на харчаванне насельніцтва губерні, на вінакурэнне і іншыя спажыванні, на корм быдлу і коням. Пасля падліку прыводзяцца лічбы астаткаў. Па Ваўкавыскаму павету астатак яравога збожжа склаў 215164 чвэрці, бульбы – 200187 чвэрцяў. Недахоп у азімым збожжы і сене заменены саломай. Такім чынам, ураджай 1903 г. спрыяў насельніцтву губерні. Таму не прымалася аніякіх захадаў для экстранай дапамогі жыхарам, акрамя выдачы некаторым, асабліватым, хто адчуваў патрэбу, і тым, хто пацярпеў ад рознага бедства. Такім сялянам і мяшчанам збожжа выдавалася з запасных магазінаў.

Прыводзяцца лічбы харчовых запасаў у цэлым па губерні, якія змешчаны ў табліцы, змешчанай у дадатку.

У дадатку агляду таксама прыводзяцца лічбы аб цэнах на сялянскую працу па паветах.

У Ваўкавыскім павеце дзейнічалі наступныя расцэнкі падзённай працы:

а) пад час пасеву збожжа:

працаўніку з канём, калі ён харчаваўся сам, выплачвалася 1руб. 30 кап., на харчаванні гаспадара – 1руб. 10 кап.

пешаму працаўніку – 50 кап. і 30 кап. адпаведна, пешай працаўніцы – 30 кап. і 20 кап. адпаведна.

б) пад час сенакосу:

працаўніку з канём – 1руб. 40 кап., працаўніку мужчыне – 55 кап. і 45 кап. (без харчавання і з харчаваннем), працаўніцы жанчыне – 40 кап. і 30 кап. адпаведна.

в) пад час уборкі збожжа

працаўніку з канём – 1руб. 40 кап., пешаму працаўніку – 55 кап. і 45 кап. (без харчавання і з харчаваннем), працаўніцы – 80 кап. і 50 кап.

“Другие отрасли сельского хозяйства” [с.11].

Жывёлагадоўля. У параўнанні з 1902 г. налічнасць быдла ў цэлым па губерні паменшылася на 40350 галоў. Па Ваўкавыскім павеце налічвалася: 19176 каней, 47397 рагатага быдла, авец – 83101, свінняў – 39870, коз – 214, аслоў – 17. Па колькасці каней Ваўкавыскі павет знаходзіўся на 7 месцы сярод іншых паветаў губерні (першае месца ў Гродзенскім павеце – 28720 каней), па рагатым быdle – 6 месца (першае месца ў Слоніўскім павеце – 85686), па авечках – 5 месца (першае месца ў Гродзенскім павеце – 92071 авечак), па свінням – 4 месца (першае месца ў Слоніўскім павеце – 60173). Больш падрабязныя лічбы аб жывёлагадоўлі прыводзяцца ў дадатку агляда.

Пчалаводства. За выключэннем пасек у Белавежскай пушчы Пружанскага павета, пчалаводства ў Гродзенскай губерні, як асобная галіна сельскай гаспадаркі, не існуе і службыць толькі ў якасці падтрымкі ў асобных гаспадарках. Оптавага гандлю мёдам у губерні няма.

Агародніцтва і садаводства. Сялянскія жыхары губерні займаюцца агародніцтвам толькі дзеля ўласнага спажывання, тыя хто жыве ля горада – разводзяць гародніну і на продаж.

Фруктовыя сады сустракаюцца амаль пры кожным маёнтку, а зрэдку і ў сялянскіх сядзібах. Гэта галіна развіваецца і зараз у некаторых памешчыкаў службыць значным падспор’ем у іх прыбытках.

Лесаводства. Плошча лясоў па ўсей губерні займае 554457 дзес., з іх: прыватных – 404834, сялянскіх надзеленых – 38738, дзяржаўных – 9530, розных ведамстваў – 100985.

Прыводзяцца лічбы па якасці лясоў, а таксама па дзейнасці губернскага лесаахоўнага камітэта.

“Промыслы сельского и городского населения” [с.13].

Па ўсей губерні агульная колькасць рамеснікаў складае 48860, а ў мінулым 1902 г. – 48593. З агульнай лічбы 27463 майстроў, працоўных – 14968, вучняў – 6429.

Сярод рамеснікаў большы працэнт яўрэяў, якіх у 1903 г. было 29449, хрысціян – 19283, магаметан – 129.

Рамеснікі, вытворцы харчовых прадуктаў: хлебнікі – 1551, булачнікі – 1089, мельнікі – 2740, мяснікі – 977, кандытары – 94, тракціршчыкі – 119, рыбакі – 594. Усяго – 7164.

Рамеснікі, вытворцы абутку і адзежы: партныя – 4825, партніхі – 438, басоншчыкі – 552, ватнай справы – 40, пальчатнікі – 83, сапожнікі – 5422, башмачнікі – 1072, скураўнікі – 2311, ткачы – 4269. Усяго – 19049.

Рамеснікі, вытворцы прадметаў дамаводства: печнікі – 1565, сталяры – 2498, плотнікі – 3171, карэтнікі – 49, токары – 253, бондары – 1594, меднікі – 328, бранзіроўшчыкі – 34, калеснікі – 1211, бляшнікі – 546, кавалі – 3266, слесары – 584, цвікары – 7, шорнікі – 412, шкляльшчыкі – 454, гаршочнікі – 663, цаглянай справы – 842, каменшчыкі – 647. Усяго – 18124.

Рамеснікі, якія не належаць да першыхтрох разрадаў: маклеры возчыкаў – 15, возчыкі – 1496, канавалы – 126, майстры гадзіннікаў – 263, залатых і срэбраных спраў майстры – 145,

рэзчыкі – 48, ружэйнікі – 8, тачыльшчыкі – 40, настройшчыкі музычных інструментаў – 16, музыкі – 539, цырульнікі – 277, красільшчыкі – 477, маляры – 258, пераплётчыкі – 332, пергаментшчыкі – 62, вярочнікі – 137, камінары – 248. Усяго – 4523.

“Промышленность фабричная и заводская” [с.16].

Па суме праізвадзцельнасці фабрык і заводаў гарадоў і паветаў губерні лічбы занесены ў табліцу. Па Ваўкавыскаму павету налічваецца 8 фабрык і 272 заводы, якія выпускаюць прадукцыі на агульную суму 463877 руб., па гораду Ваўкавыску – 5 фабрык і 17 заводаў на 139308 руб. Усяго ў губерні 3681 фабрык і заводаў, на якіх працавала 22731 працоўных, з агульнай сумай прыбытку 17 681 523 руб.

Першае месца па колькасці фабрык і заводаў сярод гарадоў займаў Беласток: 288 фабрык і 35 заводаў. Ён лічыўся лідарам па апрацоўцы воўны і вытворчасці тканіны. Сярод паветаў на першым месцы быў Беластоцкі павет. Слабейшымі па прамысловай вытворчасці лічыліся гарады: Пружаны, Кобрын і Бельск.

Узначальвалі фабрычна-заводскую вытворчасць немцы і яўрэі. Немцы валодалі найбольш крупнымі і найлепш абсталяванымі суконнымі фабрыкамі. Каля 90 % ручных шарсцяных ткацкіх прадпрыемстваў знаходзілася ў яўрэйскіх прадпрыемстваў. На баку хрысціян перавага была ў машынабудаванні, піваварэнні, вінакурэнні і вытворчасці крахмала.

Даецца агульны агляд складу прамысловасці губерні і апісваецца дзейнасць Гродзенскага губернскага па фабрычным справам “Прысутствія”.

Болей падрабязныя лічбы аб стане прамысловай вытворчасці па паватам занесены ў табліцу і прыводзяцца ў дадатку. Па гораду Ваўкавыску лічбы выглядалі наступным чынам:

Фабрыкі: фарбавых – 3, сума вытворчасці – 173 рубля, 3 працоўных; тытунёвых – 2, 32 000 рублёў, 14 муж. і 12 жан. працоўных.

Заводы: півавараных – 1, 10 000 руб., 2 працоўных; мёдавараных – 2, 1200 руб., 3 працоўных; воцатных – 1, 2435 руб., 2 працоўных; мукамольных – 3, 25400 руб., 10 працоўных; скураных – 3, 25350 руб., 69 працоўных; свячных – 1, 150 руб., 1 працоўны; цагляных – 3, 31000 руб., 57 працоўных і 7 дзяцей; кафляных і чарапічных – 2, 1600 руб., 5 працоўных; чугуна-ліцейных – 1, 10000 руб., 15 працоўных.

Па Ваўкавыскаму павату:

Фабрык: суконных – 3, 1300 руб., 6 працоўных; прадзільных – 1, 9600 руб., 24 працоўных; фарбавых – 4, 340 руб., 4 працоўных.

Заводаў: вінакурных і дрожжавых – 18, 249142 руб., 158 працоўных; півавараных – 2, 2400 руб., 3 працоўных; мёдавараных – 3, 1700 руб., 3 працоўных; мінеральных вод – 6, 990 руб., 6 працоўных; мукамольных – 156, 50145 руб., 203 працоўных; крахмальных – 10, 62670 руб., 65 працоўных; сыравараных – 3, 4000 руб., 7 працоўных; шкіпідарных і смалістых – 11, 8850 руб., 23 працоўных; скураных – 21, 41650 руб., 182 працоўных; свячных – 1, 610 руб., 1 працоўны; шкляных – 1, 8000 руб., 30 працоўных; цагляных – 15, 8230 руб., 28 працоўных; кафляных і чарапічных – 24, 12250 руб., 64 працоўных; ганчарных – 1, 2000 руб., 2 працоўных.

“Торговля” [с.23].

Гандлем у Гродзенскай губерні пераважна займаліся яўрэі. Галоўнымі прадметамі збыту з’яўляліся вырабы земляробства, скатаводства і лесаводства. Вывазны гандль зернавым збожжам накіроўваўся ў гарады Лібаву, Варшаву і Кёнігсберг. Ва ўнутраня губерні Расійскай імперыі хлеб пастаўляўся толькі ў гады вялікіх неўраджаяў. У Гродзенскую губерню ўвозілася пшаніца з Паўднёва-Заходняга краю і авёс з гарадоў Арла і Курска для вайсковых каней. Акрамя таго, з Арлоўскай, Самарскай, Казанскай і Саратаўскай губерній увозіцца даволі вялікая колькасць вышэйшага гатунку пшанічнай мукі, па сваёй якасці значна пераважваючай мукі мясцовай вытворчасці.

Ярмарачны гандль у губерні не значны. Амаль усе ярмаркі аднаднеўныя і служаць мясцоваму насельніцтву дзеля здавальнення яго патрэб. Месячная ярмарка ў мястэчку Зэльва згубіла сваё значэнне і зараз на працягу месяца тут толькі панядзелях бывае даволі ажыўлены

гандль рагатым быдлам, канямі і рознай сельскагаспадарчай вытворчасцю.

Гандаль лесам праводзіцца ў нязначнай колькасці як прыватнымі асобамі, так і дзяржаўнымі ўстановамі.

Продаж усіх тавараў занесены ў табліцу.

“Судоходство” [с.25].

Судаходства і сплаў па рэках і каналах у межах Гродзенскай губерні бывае толькі ў вясенняе палаводдзе і зрэдку восенню

“Торговые документы” [с.27].

У табліцу занесена колькасць гандлёвых дакументаў і іх разрад, выдадзеных за год. Па Ваўкавыскаму павету: 1-й гільдыі саслоўных купчаскіх выдана 4 дакументы, 2-й гільдыі – 24. Для гандлёвых прадпрыемстваў для ўсіх 5 разрадаў, на гандлёвыя прадпрыемствы і на склады для іх: па 1-му разраду выдана 3 дакументы на прадпрыемствы, па 2-му разраду – на прадпрыемствы 84 дакументы, на склады – 34, па 3-му разраду – 523 і 24, па 4-му – 183 і 0, па 5-му – няма.

Для прамысловых прадпрыемстваў: па 1-му разраду – няма, па 2-му і 3-му – па аднаму дакументу, па 4-му разраду – няма, па 5-му – 11, па 6-му – 17, па 7-му – 25, па 8-му – 73.

Для прыватных прамысловых заняткаў: па 4-му разраду – 11 дакументаў, па 5-му – 29, па 6-му – 18, па 7-му – 33.

Усяго на права гандлю выдана 1097 дакументаў, што на 105 больш, чым у мінулым годзе.

Спагнанні, наложаныя на прадпрыемствы па Ваўкавыскаму павету, склалі 337 рублёў.

Налогі за выдання гандлёвыя пасведчанні склалі 15057 рублёў.

“Гильдейские и негильдейские предприятия” [с.29].

У Ваўкавыскім павеце лічба прадпрыемстваў склала 477, сума абароту – 1809500 руб., сума прыбытку – 213960 руб., працэнт аблажэння – 1,496%. Ад плацяжа раскладачнага збору вызвалены 95 прадпрыемстваў. Прыцягнута да працэнтнага збору з лішкам прыбытка 8 прадпрыемстваў.

“Движение населения” [с.36].

На 1-е студзеня 1904 г. у Гродзенскай губерні налічвалася 1 680 937 душ абодвага полу, за выключэннем раскварціраваных у губерні войск. У горадзе Ваўкавыску пражывала 9926 жыхароў, у Ваўкавыскім павеце – 166553.

Больш падрабязныя лічбы складу насельніцтва даюцца ў дадатку:

па саслоўі:

Дваран – 65 муж. і 62 жан. патомственных у горадзе, 523 муж. і 573 жан. патомственных ва ўездзе, 145 муж. і 135 жан. “лічных” у горадзе, 71 муж. і 67 жан. “лічных” ва ўездзе. Усяго дваран – 1641.

Духавенства: праваслаўнага – 10 муж. і 8 жан. у горадзе і 88 муж. і 114 жан. ва ўездзе, усяго – 220 чалавек (лічба склада сямей), каталіцкага – 2 у горадзе і 11 ва ўездзе, яўрэйскага – 1 муж. і 2 жан. у горадзе і 24 муж. і 47 жан. ва ўездзе.

Гарадскога саслоўя: грамадзян патомственных – 26 муж. і 30 жан. у горадзе і 22 муж. і 22 жан. ва ўездзе, грамадзян “лічных” – 37 муж. і 40 жан. у горадзе і 26 муж. і 18 жан. ва ўездзе, усяго – 221 грамадзянін.

Купцоў: 89 муж. і 90 жан. у горадзе і 36 муж. і 37 жан. ва ўездзе, усяго – 252.

Мяшчан: 4700 муж. і 4300 жан. у горадзе і 8726 муж. і 8545 жан. ва ўездзе, усяго – 26271.

Сялянскіх саслоўі: дзяржаўных сялян – 28678 муж. і 28459 жан., розных іншых – 18 муж. і 15 жан. у горадзе і 194 муж. і 190 жан. ва ўездзе, усяго – 57554.

Каланістаў (недзяржаўных сялян): 17 муж. і 16 жан. у горадзе і 41019 муж. і 40615 жан. ва ўездзе, усяго – 81667.

Ваенных саслоўі: безтэрмінова адпускных – 2398 муж. і 2185 жан., адстаўных

ніжэйшых чыноў – 42 муж. і 36 жан. у горадзе і 1620 муж. 1510 жан. ва ўездзе, салдацкіх дзяцей – 8 муж. і 11 жан. у горадзе і 342 муж. і 304 жан. ва ўездзе.

Замежных падданных – 15 муж. і 6 жан. у горадзе і 45 муж. 38 жан. ва ўездзе.

Колькасць жыхароў па веравызнанню:

Праваслаўных: 669 муж. і 618 жан. у горадзе і 45419 муж. і 44746 жан. ва ўездзе.

Каталікоў: 1606 муж. і 1530 жан. у горадзе і 26947 муж. і 26668 жан. ва ўездзе.

Пратэстантаў: 15 муж. і 7 жан. у горадзе і 189 муж. і 175 жан. ва ўездзе.

Яўрэяў: 2877 муж. і 2586 жан. у горадзе і 11235 муж. і 11087 жан. ва ўездзе.

Магаметанскага: 8 муж. і 10 жан. у горадзе, 36 муж. і 51 жан. ва ўездзе.

Ведамасць аб руху насельніцтва:

Колькасць шлюбаў па гораду – 48, па ўездзе – 1040.

Законнанароджаных: 175 муж. і 151 жан. па гораду, 3191 муж. і 3104 жан. па ўездзе.

Незаконнанароджаных: 8 муж. і 7 жан. па гораду, 68 муж. і 54 жан. па ўездзе.

Усяго нарадзілася: у горадзе – 341, ва ўездзе – 6417.

Лічба памершых: 136 муж. і 125 жан. у горадзе, 2540 муж. і 2433 жан. ва ўездзе.

Такім чынам, прырост насельніцтва ў горадзе склаў 80 чалавек, ва ўездзе – 1444.

2. “Подати и повинности” [с.38].

“Окладные и другие государственные и земские сборы”.

Недаімкі на 1 студзеня 1904 г. па гораду і павету склалі 212 272 руб. 55 кап. Гэта 7-е месца па губерні, што значыць, ваўкавычане не так моцна задаўжалі дзяржаве, як іншыя паветы. Больш падрабязней недаімкі занесены ў табліцу, якая знаходзіцца ў дадатку агляду.

“Городские доходы и расходы” [с.40].

Акцызныя зборы: па піцейнаму збору, па казеннай продажы алкаголю, па тытунёваму збору, па збору з запалак.

Кватэрная павіннасць: даплата да кватэрных акладаў, якія адпускаліся казнаю. Па гораду Ваўкавыску яна склала 5949 руб.

Ваенная павіннасць. У гэтым раздзеле наказваецца колькасць і катэгорыі прызываемых на ваенную службу мужчын у цэлым па губерні. Больш падрабязна пра гэта даецца ў дадатку.

Гарадскія даходы і расходы больш падрабязна разглядаюцца ў дадатку.

3. “Общественное благоустройство и благочиние” [с.46].

“Деятельность строительного отделения Гродненского губернского правления”.

Названаму праўленню ў губерні належыць усяго 12 каменных казённых дамоў.

“Обеспечение быта православного духовенства”

“Дороги, мосты и переправы”.

Прыводзіцца справаздача аб праделанай працы.

“Почта и телеграфы”.

Па Ваўкавыскаму павету ўстаноўлены прыём і выдача звычайнай і заказной карэспандэнцыі з 5 да 7 гадзін вечара ў Роскім паштова-тэлеграфным аддзяленні, а таксама ў Поразаўскім, Падароскім паштовых аддзяленнях. Прыводзяцца лічбы разнага роду як адпраўленай, так і атрыманай карэспандэнцыі ў цэлым па губерні. Прыводзяцца лічбы прыходу і расхода грашовых сродкаў.

“Народная нравственность”.

Агляд і статыстыка крымінальных злачынстваў у цэлым па губерні. У канцы агляду прыводзіцца табліца злачынстваў і незвычайнай смяротнасці па ўездах.

“Арестанты и места заключения”.

У губерні дзейнічалі 8 турэмных устаноў, у якіх трымалася 840 чалавек. Даецца падрабязная справаздача аб яўнасці і забеспячэнні асуджаных і аб іх стане ў кожнай з турэм. Даецца справаздача атрыманых і патрачаных грашовых сродкаў. Так, у турме Ваўкавыска для набыцця бандажа для арыштанта Моцеля Ліпскага, які пакутаваў ад грыжы, патрачана 4 рублі. На рамонт турэмнага будынка патрачана 200 рублёў.

Прыводзяцца справаздача дзейнасці па маральнаму выпраўленню і асвеце арыштантаў.

Так, духоўна-маральныя настаўленні арыштантаў у ваўкавыскай турме і размова з імі праводзілася мясцовым пр аваслаўным святаром пры наведванні турмы для адпраўлення царкоўных трэб у прыстасаванай для гэтага камеры. Ранішнія і вячэрнія малітвы арыштантаў чыталіся або пеліся кожны дзень у сваіх камерах.

Па ўсіх турмах на споведзі было 376 арыштантаў мужчын і жанчын, з якіх прычасціліся 375 чалавек.

Турэмныя шпіталі. На ўтрыманне і лячэнне хворых арыштантаў адпускалася з казны па 40 кап. у суткі.

Арыштантская праца. У турме Ваўкавыска арыштанты займаліся наружнай працай: чысткай адхожых месц, земляной і сялянскага спадарчай працай, пілаваннем і рубкай дроў, пераноскай рэчаў, рыццём магіл, мыццём палоў і іншай чорнай працай.

Ведамасць аб лічбе і родзе злачынстваў у цэлым па губерні прыводзіцца ў дадатку.

У дадатку таксама прыводзяцца лічбы аб колькасці арыштантаў і дзяцей пры іх. У ваўкавыскай турме на 1-е студзеня 1903 г. заставалася 38 арыштантаў і 2 дзіцяці муж. полу, 4 арыштантак і 1 дзіця жан. полу. У 1903 г. у турму паступіла 151 муж. і 1 дзіця муж. полу, 21 жан. і 3 дзіцяці жан. полу. У гэтым жа годзе выбылі 162 муж. і 2 дзіц. муж. полу, 20 жан. і 2 дзіцяці жан. полу. На 1-е студзеня 1904 г. засталася 27 муж. і 1 дзіця муж. полу, 5 жан. і 2 дзіцяці жан. полу.

Акрамя турмы, арыштанты трымаліся у прэварыцельным заключэнні ў горадзе пры паліцэйскім упраўленні і на станавых кварцірах. У 1903 г. такіх паступіла 67 муж. і 9 жан. У гэтым жа годзе выбыла 66 муж. і 9 жан.

“Пожары”.

Да 1903 г. у аглядах на некалькіх старонках распавядалася аб буйнейшых пажарах, здарыўшыхся ў губерні. Аднак ужо з 1903 г. прыводзяцца толькі агульныя звесткі. У Ваўкавыскім павеце за 1902 г. здарылася 35 пажараў, у 1903 г. – 49. Страты склалі 68469 руб. і 128377 руб. адпаведна. У горадзе Ваўкавыску ў 1902 г. здарылася 5 пажараў, у 1903 г. – 1. Страты склалі 11853 руб. і 450 руб. адпаведна. Усяго па губерні ў 1902 г. здарылася 519 пажараў, у 1903 г. – 506.

4. “Народное здравие и общественное призрение” [с.71].

“Врачебная помощь”.

Медычны персанал. У горадзе Ваўкавыску 6 урачоў, 9 фельдшараў, 3 павівальныя бабкі. У Ваўкавыскім павеце 13 урачоў, 40 фельдшараў і 5 павівальных бабак.

Аптэкі. У горадзе 1 аптэка, якая ў 1903 г. выдала лекі па 6882 рацэптах. У павеце 7 аптэк, якія выдалі лекі па 12147 рацэптах.

Бальніцы і амбулаторыі. Прыводзіцца агульны агляд па губерні.

Знаходжанне сялянскай медычнай часткі. У Ваўкавыскім павеце налічвалася 12 фельдшарскіх акушэрскіх пунктаў.

“Болезненность и смертность”.

Карысталася бальніцамі: па павету – 1319 чалавек, памерла з іх – 52. У горадзе – 1124, памерла – 43.

Амбулаторных хворых па ўездзе – 20515 чалавек.

Далей апісваюцца выпадкі захворванняў эпідэмічнымі і псіхічнымі хваробамі па губерні.

Яшчэ адзін раздзел распавядае аб медычнай дапамозе на фабрыках і заводах.

Тры наступных раздзелы апісваюць стан судова-медычнай справы, санітарнага нагляду, гвалтоўныя і выпадковыя смерці. Па губерні ад гвалтоўнай і выпадковай смерці памерла за год 454 чалавекі, у тым ліку: ахвяр забойств – 52, самагабцаў – 50, памершых хуткай смерцю – 101, знойдзена мёртвых цел – 25, ахвяр выпадковай смерці – 226. Больш падрабязныя лічбы па паведах прыводзяцца ў дадатку. Так, па Ваўкавыскаму павету за 1903 г. нованароджаных дэтазабойств па гораду не было, а па ўездзе 3 выпадкі, смертазабойств – адзін па павету, самазабойств – па гораду адзін выпадак, па павету – 3, хутка памершых ад

хвароб – па гораду няма, па павету – 4, ад невядомых прычын – па гораду няма, па павету – 7, задаўлена або ўпала з вышыні – па гораду няма, па павету – 5, замерзла – па гораду няма, па павету – 1, утапілася – па гораду няма, па павету – 10, памерла ад іншых выпадкаў – па гораду няма, па павету – 4. Усяго па гораду – 3, па павету – 39.

Два наступных раздзела апісваюць стан эпізаоціі, богадзельні і дабрачыннасці.

5. “Народное просвещение” [с.90].

Пяты, агульны раздзел апісвае стан народнай асветы. У Ваўкавыскім павеце самай вышэйшай навучальнай установай была Свіслацкая настаўніцкая семінарыя. У 1903 г. у ёй навучалася 125 вучняў. Пры семінарыі знаходзілася пачатковае вучылішча, у якім навучалася 60 вучняў. Усе выхаванцы семінарыі былі праваслаўнай веры. Гэта былі дзеці наступных саслоўяў: духоўнага звання – 1, гарадскога саслоўя – 3, сялян – 121. У 1903 г. скончылі поўны курс вучобы 19 чалавек. Семінарыя атрымлівала сродкі ад дзяржаўнага казначэйства. За 1903 г. яны склалі 19186 руб.

Наступная група навучальных устаноў была падведомствена дзярэкцыі народных вучылішч. На Ваўкавыскі павет адзінае трохкласавае вучылішча было ў Ваўкавыску.

Пачатковыя народныя вучылішча. Усяго па ўезду іх было 43.

Па павету былі распаўсюджаныя царкоўна-прыходскія вучылішча і школы граматы. З двума класамі навучання такіх было ўсяго адна школа, аднакласавых – 37, школ граматы – 48. Лічба вучняў хлопчыкаў у царкоўна-прыходскіх вучылішчах склала 1939 чалавек, дзяўчат – 705. Па веравызнанні вучылішча наведвалі: праваслаўных – 2440 чалавек, раскольнікаў – 1, сектантаў – 1, каталікоў – 141, пратэстантаў – 3, яўрэяў – 57. Царкоўна-прыходскія школы акрамя пачатковай граматы выходзілі ў вучнях рэлігійную мараль, вучылі іх выкананню царкоўных уставаў. Грашовыя сродкі для вучылішч выдзяляліся ад Свяцейшага Сінода, губернскага земскага Сабора, ад цэркваў і манастыроў, ад царкоўных братстваў, гарадскіх упраўленняў, валасных і сялянскіх вобчастваў. Большая палавіна школ знаходзілася ў асобных памяшканнях, а другая частка і ўсе школы граматы – у арандуемых памяшканнях.

Бібліятэкі, кніжныя магазіны, тыпаграфіі і літаграфіі. У павеце існавала 20 бібліятэк з 1567 тамамі. За 1903 г. дарослымі было прачытана 718 кніг, а вучнямі – 746. У Ваўкавыску асобных бібліятэк не існавала. Пры кнігарнях – 2. Кнігарань – 5, друкарань – 1, фотаграфічных завядзенняў – 3.

6. “О ходе крестьянского дела”.

Шосты раздзел агляду прысвечаны агульным лічбам аперацый Гродзенскага аддзялення Сялянскага Пазямельнага банка, палажэнню выкупной справы, чыншавай справы, перасяленчаскай справы.

Так, у 1903 г. па павету выдана: прахадных пасведчанняў – 18 для 135 чалавек. 7 пасведчанняў выдана хадакам ад асобных сямействаў з 66 асобамі. Перасяліліся з дазволу – 12 сямействаў у колькасці 75 чалавек. Самавольна адышлі ў Сібір і іншыя месцы Расіі – 2 чалавекі. У Амерыку і іншыя дзяржавы высялілася 11 мужчын. Усяго высялілася – 88 чалавек.

У наступных падраздзелах агляду апісваецца дзейнасць губернскага ўзаемнага страхавання, гродзенскага сялянскага спадарчага таварыства і вобчаства, папячыцельства.

“Попечительство о народной трезвости”.

Так, па павету адбыліся чытанні па агітацыі за цвярозы вобраз жыцця ў 16 населеных пунктах. Прачытана лекцый – 232, лічба слухачоў – 11238.

У Ваўкавыскім павеце было прачытана 232 лекцыі ў 16 населеных пунктах. Лекцыі праслухалі 11238 жыхароў [с.122].

Падрыхтаваў да друку Мікалай Быхаўцаў

У наступным нумары:

Наступны нумар будзе цалкам прысвечаны падзеям гісторыі Ваўкавышчыны, адбыўшыхся з прыходам у Заходнюю Беларусь савецкай улады 17 верасня 1939 года

